ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!"...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 43 1 ИЮЛЯ 1903 ГОДА № 43

ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ПОМПАДУРИЯ. [1]

30 мая текущего года Николай II написал «Утверждаю» на новом документе, дополняющем и без того выразительный облик нашего «декадентского» правительства.

Документ этот называется «О порядке и пределах подчинения чинов фабричной инспекции начальникам губерний и о некоторых изменениях во внутренней организации ее».

Суть его состоит в том, что губернаторы становятся полными хозяевами фабричной инспекции, которая лишается последней тени самостоятельности, — и, с этой стороны, полная передача фабричной инспекции в ведение министерства внутренних дел, о чем не раз говорилось в печати, очень мало способна прибавить к последнему «повелению». Правда, институт фабричной инспекции пока еще остается формально составной частью министерства финансов, но «местные чины фабричной инспекции действуют под руководством губернатора (градоначальника, обер-полицмейстера)». Самое назначение на должность фабричных инспекторов производится по соглашению с губернатором. Ему же предоставляется право требовать от чинов фабричной инспекции представления очередных и срочных докладов по делам инспекции, и — что особенно важно — ему же дана власть отменять («в нетерпящих отлагательства случаях») противоречащие законам и интересам общественного порядка распоряжения чинов фабричной инспекции, с доведением о сем до сведения министерства финансов. Слишком ясно, что при таких условиях фабричный инспектор превращается в сущности в чиновника особых («фабрично-заводских») поручений при особе губернатора.

По закону фабричная инспекция, учрежденная в 1882 г. для надзора за применениями закона о работе малолетних, подчиняется, как известно, непосредственно департаменту торговли и мануфактур (министерство финансов).

Когда в 1886 г. поставлен был на очередь вопрос о расширении компентенции фабричной инспекции до общего надзора за «законностью в отношениях между фабрикантами и рабочими», общее собрание Государственного Совета, рассматривая соответственный законопроект, обсуждало, между прочим, вопрос о подчинении инспекции непосредственному губернскому начальству и пришло к тому выводу, что «столь коренное изменение в ее устройстве едва ли вызывается указанием опыта. Успешная деятельность инспекции в течение четырех лет со времени ее учреждения доказывает, что непосредственное руководство ею со стороны центральных ведомств, нисколько не колебля влияния губернского начальства, во многом обеспечило спокойное и согласованное с видами правительства применение закона о работе малолетних».

Но те условия, которые в 1886 г. обеспечивали относительно «спокойное и согласованное с видами правительства» применение законов, между прочим и узкая сфера ведения фабричной инспекции — совершенно изменились к 1903 г. Отделяющий эти два момента период времени составляет историю русского рабочего движения, — и вот ныне интересы «закона и общественного порядка» требуют того, что во имя их отвергалось 17 лет тому назад, — требуют полного подчинения фабричного инспектора губернаторской власти.

Связь нового полузаконодательного акта с «идеей русского четвертого сословия» несомненна. Этой связи способен не заметить разве только русский либерал, который в «социальной политике» самодержавия не усматривает ничего, кроме чередования моментов «государственной мысли» и «государственной бессмыслицы», который за законодательным экраном не видит борющихся социально-классовых сил, бросающих на экран свои прямые или обратные отражения.

Самый факт учреждения фабричной инспекции был, в известном смысле, актом «революционным»: он полагал в сущности конец лицемерным апелляциям к паточно-нагаечной патриархальности, якобы составляющей атмосферу наших фабрично-заводских отношений. Фабричная инспекция, как постоянный аппарат «миролюбивого соглашения сторон», означает признание нормальности частых, если не хронических, недоразумений между этими «сторонами». Самый факт возможности искать разрешения известных вопросов у надлежащей инстанции может стать и, конечно, становится для «серых» рабочих первым толчком к робким, неоформленным размышлениям в сторону «идеи четвертого сословия».

И в этом именно — состав преступления фабричной инспекции. Она виновата, она сугубо виновата в том, что стоит на пересечении враждебных интересов пролетариата и буржуазии. И как бы фабричный инспектор ни старался нейтрализовать социальные противоречия в интересах порядка, т. е. абсолютизма, классовые тенденции пролетариата сохраняют свою внутреннюю логику, глубоко-революционную, непримиримо враждебную самодержавию, — и они готовы, в том или другом случае, сделать и правительственного фабричного инспектора исходным пунктом своего развития.

И для нас новое правительственное распоряжение поучительно прежде всего в том отношении, что лишний раз показывает, как всякий правительственный орган, не непосредственно приставленный к охранению «об-

щественного спокойствия», т. е. не состоящий по министерству внутренних дел, может стать и становится ферментом, вызывающим политическое брожение.

Тут перед нами одно из бесчисленных проявлений полного взаимонепризнания интересов самодержавия и интересов общественного прогресса. Задача самодержавия — подчинить общественную жизнь, в целях «порядка и спокойствия», министерству внутренних дел. Задача нашей общественной жизни — использовать все, что имеется под руками, в целях «нарушения общественного спокойствия», — и в этом процессе жизнь стремится оторвать каждый орган, не непосредственно уполномоченный «тащить и не пущать», и сделать его виновником, обыкновенно невольным и бессознательным, но все же виновником тех или других общественных «беспокойств».

Земский врач, если он с интересом и преданностью относится к своему делу, неминуемо приходит к переоценке всех ценностей самодержавия с точки зрения интересов народного здоровья. Хроническое недоедание и острые голодовки, как один из результатов «внутренней политики», порка, как один из ее методов,— фатально ведут к физическому вырождению населения. И земскому врачу приходится либо превратиться в полицейского агента по медицинским делам, либо стать одним из элементов оппозиции. Земский агроном неминуемо приходит в столкновение с мероприятиями правительственного хищничества, ставящими непреодолимую преграду всем агрономическим попыткам повысить производительность крестьянского хозяйства. Агроному остается признать тщету своих культурных усилий при дальнейшем сохранении антикультурнейшего института — самодержавия.

Фабричная инспекция — незачем и говорить, что она не стояла и не могла стоять настраже нужд русского рабочего класса; но, поскольку она была призвана к наблюдению за нормальным ходом промышленной жизни, она приходила и не могла не приходить в лице своих органов в сравнительно частые столкновения с агентами полицейской власти. Промышленности нужен работоспособный, по возможности культурный пролетарий, — самодержавию нужен по возможности темный, забитый и запуганный подданный. Вот основа неизбежных трений, а значит и основа для законодательных актов в духе подчинения, ограничения и согласования.

Несогласованность органов, порождающая потребность в подобного рода мерах, вызывается, как мы видели, стихийным стремлением общественного процесса оторвать все не прямо полицейские члены правительственного организма и придать им сколько-нибудь культурное назначение. Такое явно злоумышленное стремление является в свою очередь результатом взаимонепризнания социальной эволюции и департамента полиции. А в конечном итоге несогласованности органов и взаимонепризнания эволюции и полиции является необходимость для самодержавия более непосредственно подчинить все жизненные функции и соответствующие им органы центральной нервной системе самодержавия, т. е. министерству внутренних дел. Такое подчинение делает опеку самодержавия еще более невыносимой для социального развития и тем самым заставляет самодержавие еще упорнее подчинять социальное развитие своей опеке.

Но так как всепредусматривающая централистическая полицейская опека становится технически все менее и менее возможной вследствие возрастающей сложности сталкивающихся интересов, то самодержавие вынуждено вплотную подойти к тому идеалу, который был определен еще Щедриным как децентрализованная помпадурия. Идеал этот был открыто возвещен в «золотых словах» последнего царского манифеста о «крепкой местной власти, пред нами ответственной».

Дореформенное самодержавие, цельно воплощенное Николаем и ранее его доведенное до абсурда Павлом, не знало этих противоречий. Оно считало себя правоспособным непосредственно полицейскими мерами разрешать все проблемы и утирать голубым обшлагом все слезы. При Павле оно стригло и брило подданных по официальному образцу и составляло для них словарь разговорной речи, при Николае оно заботилось о поэтических достоинствах баллад. Цензура должна была не только подстригать и предостерегать, но и «споспешествовать».

С банкротством николаевщины правительственная тактика меняется. Делается широкая попытка отделить чисто-полицейские функции от культурных, поручая последние либо органам общественного самоуправления и общественной самодеятельности (земства, думы, комитеты грамотности и пр.), либо специальным органам и чиновникам правительства (например, фабричные инспектора). Вместе с тем создаются полицейские нормы, за которые деятельность культурных органов не должна переступать и которые, по замыслу законодателя, должны явиться достаточными «гарантиями неприкосновенности» для принципов самодержавия*. Но жизнь сплошь и рядом наполняла эти «нормы» заведомо «тенденциозным» содержанием. Земская статистика, частная помощь голодающим, земское продовольственное дело, учебное дело— все эти, казалось бы, скромные отрасли культурной работы, обольщенные «хитростью» исторического «разума», оказываются сплошь политически «неблагонадежными». Даже земские больничные умывальники имеют, как известно, слегка якобинскую физиономию. В результате — самая скромная «автономия» культурных органов ведет за собой систематический полицейский поход против земств вообще, против земских «третьих» лиц (врачей, статистиков, агрономов и пр.) в особенности, против частных благотворителей, не заручившихся губернаторским рукопожатием, против целого ряда культурных и благотворительных обществ, — поход, ознаменованный такими героическими мерами, как закрытие столовых и упразднение «статистики»!

---

* Очень недавно с.-петербургский фабричный инспектор в своем секретном донесении управляющему отделом промышленности такими выразительными чертами характеризовал «политические» взгляды с.-петербургского градоначальника: «Закон должен поставить все организации в строго определенные рамки, соответственно целям каждой, и обратить внимание на полную гласность делопроизводства; никоим же образом, по его мнению, нельзя допустить в этом деле руководство какого-либо одного административного органа, в особенности же со стороны департамента полиции, деятельность коего, в силу особых условий, ей присущих, всегда может вызвать в публике нередко совершенно незаслуженные инсинуации».

Земские агрономы отдаются под надзор урядников. Университетская наука не выходит из-под контроля полицейской инспекции. Земства и думы превращаются в придатки губернаторских и градоначальнических канцелярий. И наконец фабричные инспектора поступают под опеку губернаторов. Те самые фабричные инспектора, которые в сущности представляют лишь оттенок общегосударственной полиции, которые ближе, гораздо ближе к кабинету фабриканта и жандармской канцелярии, чем к рабочей квартире, — и они оказываются способными принять решения, противные закону и общественному порядку!...

Это сосредоточенное недоверие жандармско-полицейского аппарата ко всему, что стоит вне его, прекрасно иллюстрируется законопроектом о фабричных старостах, к которому мы вернемся, когда (если?) он станет законом *. Теперь отметим лишь следующую основную черту законопроекта. Несмотря на то, что выбор рабочими старост происходит не иначе, как в рамках, очерченных фабрично-заводским управлением, и притом под назойливым контролем фабричной инспекции, которая, в свою очередь, поставлена теперь под ближайший контроль губернатора, — законопроект включает в себе такое предусмотрительное «примечание»: «Губернскому начальству предоставляется в тех случаях, когда по дошедшим до сего начальства сведениям рабочие, избранные в старосты, не удовлетворяют своему назначению (?), устранять их от исполнения обязанностей старост и до срока, на который они избраны». Таким образом уже здесь, в законопроекте, полиция вступает в единоборство с жизнью, которая уже достаточно зарекомендовала себя со стороны уменья обращать против самодержавия учреждения и установления, им же самим вызванные к жизни в целях собственного ограждения.

Комментарии осведомленного «Нового Времени» к «высочайшему повелению» 30 мая очень назидательны. Эта газета справедливо считает новое постановление «весьма характерным для руководящих идей настоящего времени». Правда, приходится признать, что в создаваемом ныне положении имеются «кое-какие щекотливые стороны»: чиновники министерства финансов ставятся в зависимость от чиновников министерства внутренних дел, что неминуемо создаст бюрократические «трения». Но «есть основание ожидать, — говорит газета, — что губернатор будет поставлен как представитель не одного ведомства, а высшей власти вообще»... Каждая губерния превратится в более или менее автономную помпадурию, управляемую твердой рукой губернатора, пред «Нами», т. е. перед министром внутренних дел, ответственного.

Итак, губернатор, властной рукой натягивающий на месте все «бразды», переступающий уверенной ногою все законы и отменяющий мимоходом распоряжения фабричной инспекции в высших интересах «общественного порядка», — и тот же губернатор, получающий из центра внушения по части своевременности избиения евреев — опять-таки в высших целях «общественного порядка», — таково последнее слово практики оглашенного самодержавия.

Но несмотря на весь свой поистине адский характер, эта практика обуздания общественной стихии имеет много общего с попытками диккенсовской героини задержать щеткой волны морского прилива...

О! конечно, мы знаем, что орудия, какими пользуется озверевшая российская власть, бесконечно грознее жалкой половой щетки. О! разумеется, мы помним, что всеочистительная «щетка» русского самодержавия снабжена острыми железными зубьями, которые при каждом новом правительственном эксперименте впиваются в тело, в живое тело русского народа... Но мы в то же время знаем, — и в этом залог нашей победы, — что и самой гигантской жандармско-полицейской щетке не дано задержать волны революционного прибоя!

[Н. Троцкий]

«ЖЕЛЕЗНЫЙ» С'ЕЗД.

Тупой угол — таков конечный пункт всех правительственных мероприятий последнего времени. Виновата ли в этом «смута» или таков уже злой рок самодержавия, но ему ничего не удается, и всеми своими крупными начинаниями оно только себя дискредитирует. Стараются в этой области одинаково все ведомства, и почти в то самое время, когда г. фон-Плеве кишиневскими зверствами обнаружил перед всем миром банкротство всей внутренней политики самодержавия, г. Витте вздумалось показать также несостоятельность своей финансовой политики. Конечно, умысел другой тут был. Но, на беду самодержавия, события не считаются более с его умыслами и результаты получаются совершенно противоположные тем, какие ожидал тот или другой его слуга.

Известно, что очень тесная дружба соединяла недавно министерство финансов с миром крупных заводчиков, дружба, до того тесная, что многие наивные люди делали отсюда какие-то выводы насчет существования у нас специфической буржуазной конституции. В это-то блаженное время расцвета русской промышленности при благосклонном содействии министерства финансов возникло множество всевозможных предприятий, среди которых было очень много и таких, которые не обладали почти никаким собственным капиталом и существовали исключительно благодаря кредиту. «На заграничных рынках, — писал в 1897 году, захлебываясь от восторга, официальный орган министерства финансов, — акции этих заводов, приносивших огромные дивиденды, от которых давно отвыкли иностранные капиталисты, стояли так высоко, что достаточно было прибавить к названию фирмы „днепровский“ или „донецкий“, чтобы рассчитывать на легкий сбыт акций за границей. Промышленное настроение проникло во все слои населения юга России, отодвинув на второй план другие интересы. В последнее время рост промышленности отмечается не десятилетиями, но двумя-тремя годами. За два года юг России положительно изменил свою физиономию в промышленном отношении... Промышленность и торговля России так растут, что ни железные дороги ни южные порты не успевают удовлетворять всем требованиям». В особенном фаворе были горнозаводчики. Главным предметом изготовления южно-русских заводов были рельсы и железно-

* Газеты сообщают, что этот законопроект уже прошел в Государственном Совете.

дорожные принадлежности. При своем возникновении заводы запасались казенными заказами на несколько лет, а некоторые возникли даже при прямой денежной поддержке казны — частью в виде единовременной ссуды, частью в виде денежной премии с пуда выделываемых рельс. Заводчики получали огромные барыши, часто 50 — 70 коп. на пуд рельс. Железные дороги строились не потому, что в них чувствовалась надобность, а потому что существовали уже ранее заказанные рельсы. Надо думать, что министр финансов ожидал, что этот капиталистический рай будет продолжаться вечно, и он щедрой рукой раздавал казенные деньги, полученные путем займов за границей. Но точно так же само собой понятно, что за этой грюндерской горячкой наступил крах, который действовал тем разрушительнее, чем больше было в предыдущий период совершенно дутых предприятий. Сначала пытались отрицать существование общего промышленного кризиса и сваливали всю вину на биржевую спекуляцию (хотя, как мы отчасти видели, министр финансов и его органы не были чужды этой спекуляции), но зима 1899 — 1900 гг. принесла массу банкротств, приостановку многих производств, резкое падение цен, сильную безработицу, и теперь ни в характере ни в интенсивности кризиса нельзя было уже сомневаться. Само собою разумеется, что предприниматели, не стеснявшиеся выбросить на улицу тысячи голодных рабочих и свалить таким образом на пролетариат ответственность за «риск предприятия» (за каковую ответственность, по учению буржуазных экономистов, предприниматели и получают свою долю-прибыль), сами нисколько не были расположены платиться за свои грехи и завопили о правительственной поддержке. И правительство, которое за все время кризиса ничего не сделало для тысяч безработных, услышало мольбы нескольких десятков капиталистов и пришло им на помощь. Государственный банк открыл широкий кредит (в несколько миллионов рублей) металлургическим обществам, купил на несколько миллионов облигаций некоторых промышленных заведений и принял ряд мер для поддержания целого ряда предприятий, бывших на шаг от банкротства. Из сберегательных касс тратились огромные суммы на покупки облигаций, которые частными лицами покупались неохотно. Государственный банк оказался простым посредником для перевода денег из карманов плательщиков налогов в кошельки предпринимателей.

Но кризис продолжался слишком долго, и продолжать такую политику оказывалось невозможным. Тогда г. Витте изменил тактику: он был прежде «протекционистом», потому что хотел создать достаточно сильное внутреннее производство, которое могло бы удовлетворять нуждам страны; теперь же цель всех его стремлений достигнута, цены упали так низко, что они должны быть по плечу русскому потребителю, а промышленникам остается только приспособлять свое производство к потребностям страны. Уверениям министра, однако, не придавали никакой цены. Если министр действительно стремится к понижению цен, — рассуждали многие, — то почему он не отменит ввозных пошлин, которые в весьма сильной степени влияют на поддержание высоких цен? А горнозаводчики в свою очередь спрашивали себя, каким образом министр надеялся достичь понижения цен на плуги, молотилки, кровельное железо и т. п., когда, благодаря его заказам, заводы приспособлялись к изготовлению рельс, вагонов, паровозов и т. д.? Поэтому, когда на прошлогоднем с'езде южным горнопромышленникам было предложено обсудить меры к поднятию потребления железа, то они нашли, что лучше всего это можно сделать при помощи все тех же казенных денег, и потому решили: 1) ходатайствовать о том, чтобы процент по ссудам, выдаваемым Государственным банком земству на покупку железа, был понижен до четырех; чтобы в Государственном банке была введена новая операция, учет удостоверений, которые земства будут выдавать русским заводам в принятии от них на земские склады машин и железа; чтобы срок хранения на станциях железных дорог заводских изделий, предназначенных в земские склады, был продлен, и 2) учредить «Общество для продажи изделий русских заводов», т. е., попросту говоря, синдикат. Министр финансов как раз в это время вел агитацию (на бумаге) против синдикатов и картелей, но против «Общества для продажи» он ничего не мог иметь, и скоро цены на железо стали крепнуть. Это, однако, не увеличило сбыта, и заводы продолжали сокращать производство, а заводчики — вопить о казенных заказах.

Тут-то и задумал г. Витте созвать «с'езд по выработке мероприятий к возможно широкому распространению железа по России во всех его видах». Известно, что горнозаводчики и прежде имели свои собственные с'езды, на которых занимались (не без содействия министра финансов) своеобразной организацией производства и сбыта, т. е. сугубой эксплоатацией своих рабочих и потребителей. Но на этот раз на с'езд, кроме горнозаводчиков, были приглашены представители земств и городов: представителям промышленного капитала противопоставили представителей аграрных интересов. Казалось, что как г. фон-Плеве искал спасения от все более и более грозно наступающего крушения основ в борьбе рас, так и г. Витте решил в трудную минуту апеллировать к борьбе классов и посягательствам горнозаводчиков противопоставить нужды сельского хозяйства. Но г. Витте остался при печальном интересе: как ни смирны и кротки земские либералы, они не могли не сказать, кто истинный виновник сельскохозяйственных нужд. «Экономическая жизнь, — поучал г. Витте своих слушателей, — течет волнообразно: за прогрессом идет регресс, и обратно. Слишком повышательное движение металлургической промышленности нарушило равновесие и вызвало временное обратное движение. Кризис этот несколько затянулся. И это, между прочим, об'ясняется тем, что переход от высоких с давних пор цен, к которым возврата уже, конечно, быть не может, к ценам, более доступным для населения, только что совершился, и к нему необходимо приспособиться всему производству». Против подобных заявлений протестуют горнозаводчики; по их мнению, не предвидится «никаких признаков оживления промышленности, исключая, если будет усиленная постройка железных дорог, развитие отечественного судостроения и если последует несколько урожайных годов». «Паллиативные меры, — говорят они, — не помогут в данном случае, а необходимо оздоровление всего промышленного организма в самом его корне или, другими словами, необходимо решительное воздействие на истинную причину зла, которая состоит в полном несоответ-

ствии между производительной способностью заводов и потребительными средствами страны».

Господа железозаводчики не верят в возможность поднять народное потребление при данных условиях, а потому они требуют увеличения железнодорожного строительства и судостроения. Как люди практические, они не мечтают об изменении условий и хлопочут о правительственной подачке. «Если кому-нибудь нужна помощь правительства, так именно бедному, разоренному крестьянству», — возражают представители земств, полагая, что необходимо прежде всего стремиться к поднятию общего экономического и образовательного уровня народа, необходимо дать ему техническое образование, доставить дешевый кредит, понизить таможенные пошлины, необходимо... Но все это г. Витте уже выслушал недавно от сельско-хозяйственных комитетов. И он и все присутствовавшие понимали, что никаких таких мер правительство предпринять не может, что оно бессильно, что оно накануне банкротства, что собственно логический вывод из всего сказанного был бы крик «долой самодержавие!» Но так как представителей социал-демократии на с'езде не было, то он и был закрыт без соответствующих возгласов.

[Д. Кольцов-Б. Гинзбург]

ОБ АГИТАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ НАШЕЙ ПАРТИИ.

(Письмо в редакцию.)

В настоящей заметке я хочу выдвинуть одну сторону в деятельнности нашей партии, которая в настоящий момент находится, так сказать, в полном загоне. Всякая политическая партия, которая хочет правильно развиваться, должна внимательно приглядываться к окружающему, должна чутко прислушиваться к нарождающимся потребностям. Никогда не застывая на раз принятых приемах борьбы и раз усвоенной тактике, она должна постоянно видоизменять ее сообразно вечно изменяющимся окружающим ее условиям. Мы не думаем, однако, предлагать теперь новых, доселе неизвестных приемов борьбы или какой-либо новой тактики: мы хотим только установить правильное соотношение между всеми признанными уже приемами борьбы, нарушенное за последнее время в практике нашей партии. Мы имеем перед собою опыт нескольких лет демонстрационного движения.

В настоящий момент можно считать законченным агитационный период 1902 — 1903 гг., достигающий у нас, как известно, в майском движении своего кульминационного пункта. Хотя мы не можем еще подвести всех итогов майского движения 1903 г., но главные черты его уже определились. И мы не можем скрыть от себя, что итоги эти не могут не вызвать у нас некоторого разочарования. Смотря по суб'ективным условиям, у одного это разочарование живее, у другого менее ощутительно. Но, будучи искренним и не ослепленным, никто не может отрицать наличности самого разочарования. Вызванные движением последних лет надежды были так велики, что факты последнего агитационного периода, хотя сами по себе и достаточно внушительные, далеко не в состоянии отвечать этим преувеличенным надеждам. Мы говорили о «прологе революции», а в это время напрягшее все свои усилия самодержавие успешно справлялось с нашими организациями. Ни в одном из старых центров рабочего движения, имеющих решающее значение в нашей борьбе, в Петербурге, в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, не удалось организовать хоть сколько-нибудь внушительной демонстрации за весь агитационный период 1902—1903 гг.

Чем об'яснить это явление? Причины его, конечно, сложны и в числе их не малую роль играет плохая организация наших комитетов. Но нельзя же в конце концов все сводить к недостаткам организации; нужно искать и более глубоких причин наших неудач. А эти более глубокие причины могут заключаться только в недостаточной сознательности рабочих масс; только эта недостаточная сознательность может об'яснить нам неуспех наших попыток вызвать широкое демонстрационное движение при отмечаемом всеми наблюдателями широком недовольстве и даже боевом настроении масс. Не можем же мы признать, что полиция, как бы совершенна она ни была, может успешно справляться с народной массой, ясно сознающей свои задачи и твердо решившейся бороться с врагом. Дело в том, что (за единичными исключениями) все наши демонстрации 1901 — 1903 гг. не были массовыми демонстрациями в настоящем смысле этого слова. В них, конечно, участвовали и рабочие, и просто городское простонародие, но они составляли незначительное меньшинство демонстрантов; большинство же составляла любопытствующая полусочувствующая публика. Именно с последней, отчасти малосознательной, отчасти политически дряблой частью демонстрантов научилась теперь справляться полиция. Немногочисленные сознательные и решительные демонстранты оказались изолированными и, следовательно, бессильными. Все наши демонстрации последних лет, за немногими исключениями, были, по красивому выражению «Искры», демонстрациями кучки «героев» перед «толпой». «Герои» прохаживались перед «толпой», махали своими знаменами и кричали «долой самодержавие». Толпа безмолвствовала. Это не были демонстрации толпы, и в этом — причина их слабости.

Опыт последних лет, нам кажется, повелительно предписывает нам признать следующий вывод «Искры»: демонстрации небольшой кучки «героев» перед «толпой» отжили свое время; демонстрации должны стать массовыми или их вовсе не должно быть. Но как сделать демонстрации массовыми, как вовлечь «толпу» в движение и превратить ее в «героев»? «Искра» только намечает ответ на этот вопрос, указывая на пример Ростова, но не высказывает его ясно. Попробуем это сделать. История нашего движения знает только следующие массовые движения: петербургская забастовка 1896 г.[2], майское движение в Риге, Либаве и Харькове в 1898, 1899, 1900 годах[3], обуховская оборона 1901 г. (май)[4], ростовское движение 1902 года (ноябрь)[5] и демонстрация 2 марта[6] там же и, может быть, еще майское движение этого года в некоторых глухих углах России. Истинно массовым движение у нас становилось только тогда, когда социал-демократическим организациям удавалось связать общие задачи нашей партии с насущными интересами и нуждами рабочей массы и тем вовлечь ее в борьбу. Первые годы, под влиянием, отчасти, теории «стадий», стачечное движение оставалось до конца на почве чисто экономической борьбы, имея, тем не менее,

громадное значение в деле политического воспитания массы (так было с петербургской забастовкой 1896 г.). Впоследствии стачечное движение стало все больше приобретать политический характер, переходя в открытую борьбу с самодержавием — в борьбу политическую. Майский праздник пролетариата сыграл в этом отношении крупную роль. Классовый характер майского празднества и, вместе с тем, его всеобщность сделали его отличным орудием для вовлечения широкой рабочей массы в политическую борьбу. С одной стороны, по своим мотивам он понятен всякому неразвитому рабочему, с другой — как демонстрация целого класса он неизбежно превращается в борьбу политическую: самодержавие может еще мириться с отдельной стачкой на заводе или даже в целом районе, но ни в каком случае не может примириться с общеклассовым праздником пролетариата; оно всегда будет подавлять его грубой силой и тем будет превращать его в политическую демонстрацию даже тогда, когда рабочие этого не хотели бы. Классовая борьба (речь идет о борьбе действительно целого класса) есть всегда борьба политическая. Мне нечего разъяснять здесь необходимую связь классового движения пролетариата с борьбой политической — это азбука русской социал-демократии, усвоенная ею на заре массового движения. Именно понимание этой необходимой связи профессиональной борьбы рабочих с политической борьбой рабочего класса, сознание, что «профессиональное движение — общая основа социал-демократического движения» (Каутский, «Эрфуртская программа» [7]) создало силу и значение русской социал-демократии. Благодаря этому пониманию, русской социал-демократии удалось пробудить от спячки и вывести на широкую арену политической борьбы русский рабочий класс и тем рассеять нависший над Россией густой мрак реакции восьмидесятых и начала девяностых годов. Пробуждение к политической жизни рабочего класса вызвало оживление и других слоев русского народа, начиная от студенчества и кончая крестьянством, и в результате — открытая революционная борьба 1901 — 1903 гг. Это небывалое в России движение, этот открытый вызов самодержавию, всеобщее, казалось, сочувствие демонстрантам вскружило всем голову, и наиболее увлекающиеся заговорили уже о «штурме на самодержавие», о «прологе революции». Пора отказаться от этого неосновательного и вредного увлечения, пора перестать глядеть на действительность через розовые очки, пора признать суровую действительность. Только видя слабости нашего движения, мы сумеем их устранить. Как некогда успехи экономической чисто профессиональной борьбы вскружили головы слабым умам, создав уродливую теорию «стадий» и грубый экономизм «Рабочей Мысли» [8], так теперь первые успехи политической агитации и демонстраций привели если не к забвению, то к более или менее полному игнорированию в агитации необходимой классовой основы нашего движения. Дальнейшие успехи на этом пути невозможны без обращения самого серьезного внимания на эту классовую основу. Политическая агитация приняла у нас за последнее время слишком абстрактный характер, слишком мало связывалась с конкретной жизнью и повседневными потребностями рабочей массы. Вследствие этого наша деятельность понятна преимущественно более сознательным слоям рабочих и мало понятна народным низам, широкой массе необученных рабочих. Наша политическая агитация временами превращается в голую политическую декламацию. Без вовлечения в движение этих низов нельзя создать массового политического движения. Только расширением основания нашего движения, путем пробуждения к самостоятельной жизни народных низов, можно вновь сделать сильной нашу партию. В этой работе нельзя игнорировать профессиональных интересов рабочих и профессиональной борьбы. Мы должны вновь пробудить широкое массовое профессиональное движение, мы должны организовать массовые забастовки и затем превратить это движение в сильную политическую демонстрацию. Блестящим образцом подобной тактики может служить ростовское движение прошлого и этого года. В соприкосновении с народными низами мы должны приобрести ту недостающую нам силу, которая даст нам возможность — надеемся, в недалеком будущем — совершить не словесный, а действительный натиск на самодержавие.

Говоря это, мы вовсе не хотим отказаться от политической агитации, имеющей своим исходным пунктом явления общерусской жизни, все равно, имеют ли эти явления непосредственное отношение к экономическим интересам рабочих или нет: это было бы возвращением к временам «экономизма», к счастью уже окончательно пережитым. Мы хотим только установить правильное соотношение между тем и другим видом агитации. Что мы не преувеличиваем указанных недостатков движения, может показать пример деятельности хоть Тифлисского или Бакинского Комитетов. О первом можно еще сказать, что ему мешает недостаток сил после провалов последних лет; о втором этого сказать нельзя. Между тем, за все время своего существования Бакинский Комитет, как и Тифлисский за последний год, не выпустил ни одного профессионального листка, не организовал ни одной стачки*. Стачки, конечно, бывали и здесь, но комитет не использовал их для того, чтобы вызвать общее движение бакинского пролетариата и затем превратить такое движение в борьбу политическую. Нам могут сказать, что профессиональной борьбе мешает в настоящее время кризис; но успех частичных забастовок в Баку (у Мирзабекянца, Коночникова, Рысева и Ляпина) противоречит этому, а возможность общих забастовок доказывается примером Ростова и Златоуста. К тому же кризис не вечен, и надо быть готовым к другой экономической кон'юнктуре. Надо, следовательно, выяснить требования для различных профессиональных групп и затем начать агитацию на их почве. Возьмем для примера Балаханский район. Жизнь там до того неприглядна, она так гнетет рабочего, что непонятно, как рабочие переносят эти условия без протеста. Насколько мне известны эти условия, платформа для агитации там готова: это — установление трех 8-часовых смен вместо двух 12-часовых и вывод рабочих жилищ из пределов промыслов, устройство рабочего городка. Нам кажется, агитации на почве этих требований обеспечен там успех. К тому же такая агитация явилась бы лучшим орудием в борьбе с зубатовщиной, широко раскинувшей теперь свои сети: перед лицом

* Батумский Комитет составляет в этом отношении исключение; не потому ли маленький Батум может себя поздравить с массовой демонстрацией 9 марта текущего года?

массового рабочего движения рассеются, как дым, все лживые обещания зубатовских агентов, вся политика его «сердечного попечения». Мы не боимся в настоящее время возврата к экономизму, мы считаем его окончательно похороненным; мы уверены, что теперь возможно использовать всякую массовую забастовку в целях политической агитации. Для указанной задачи, нам кажется, необходимо правильно распределить работу между местными и общими организациями. Общеполитическую агитацию должен вести Центральный Комитет нашей партии и районные союзы, где они существуют; местные комитеты, конечно, тоже будут работать в этом направлении, но они не должны забывать из-за этого дела профессиональной борьбы и использования ее в партийных целях. Для успешного достижения этих двух задач нужно, конечно, усиление центральных организаций, чтобы местные могли затем уделять больше внимания второй задаче. Приведем небезынтересный факт: перед маем Бакинский Комитет должен был издать прокламации о безработице, но мог выпустить только пару сотен листков на гектографе, так как типография была занята майской литературой. Момент был очень удобный, но он утерян. Мы, следовательно, не думаем отказываться от нынешних политических демонстраций, видя в них громадное приобретение последних годов; там, где возможно, их надо устраивать; майская, например, демонстрация уже пустила корни в рабочей массе и будет очень полезна для всего нашего движения. Но неудача их не станет подвергать нас в уныние, если комитеты не будут существовать только для того, чтобы раз в год организовать демонстрацию, если они будут чувствовать, как растут и крепнут силы революционной армии в общении с народными низами. И, окрепнув в этой работе, мы — будет ли то через 3,5 или 10 лет — выступим на штурм самодержавия, на этот раз уже во главе победоносной массы.

[Файнберг]

* * *

От редакции: Печатаем это письмо, чтобы обратить вниманйе товарищей на действительно важный вопрос и вызвать всестороннее обсуждение его. Автор совершенно правильно считает одним из важнейших недостатков нашего нынешнего движения, недостаточно «массовый» его характер. Практика последних демонстрационных попыток подтверждает его мысль. В значительной степени прав он и тогда, когда рекомендует более усиленную агитацию на почве чисто-профессиональных нужд отдельных слоев рабочего класса, как средство расшевелить пассивные элементы рабочей массы. «Экономическая» агитация еще долго будет играть роль такого средства, и «Искра» постоянно указывала на необходимость для соц.-демократии не оставлять без внимания профессиональное движение рабочих, издавать брошюры и листки для отдельных профессий, создавать, где можно, районные или общерусские профессиональные организации — ячейки наших будущих свободных профессиональных союзов, организовать «фабричные обличения» (кстати сказать, сильно хромающие за последние годы по сравнению с периодом «экономизма»). И несомненно, что некоторым нашим комитетам следовало бы обратить больше внимания на эту сторону соц.-дем. работы. Не прав наш автор, когда, говоря об агитации на почве «насущных интересов и нужд» рабочих масс, он, повидимому, отождествляет их всецело с профессиональными, «экономическими» интересами. Столь же насущными и столь же осязательными для остальных слоев рабочего класса (равно и крестьян) являются интересы рабочих, как граждан, как потребителей, как плательщиков налога и т. д. Если недостатком нашей политической агитации является зачастую ее слишком абстрактный характер, то более конкретный характер ей следует придать, обращая больше внимания на все те явления общественно-политической жизни, которые самым непосредственным образом задевают сознание политически-отсталого населения. А такие явления имеют место и вне сферы профессиональных интересов. То или другое распоряжение городской думы, поведение того или другого полицейского сатрапа, тот или иной случай проявления «классового правосудия» наших судов — все это такие же поводы для плодотворной местной агитации, как и случаи проявлений фабричного гнета. Нам думается, что причины недостаточного успеха агитационной кампании последнего года в тех или иных местах чаще следует искать не столько в игнорировании поводов для «экономической» агитации, а скорее в недостаточной широте размаха той агитации, которая велась. Лишь в немногих пунктах комитетские прокламации распространялись в количествах, обеспечивающих их проникновение во все слои рабочей массы; а где это условие было налицо, там зашевелилась, действительно, масса рабочих, хотя бы все выпущенные прокламации носили характер «политический» (пример — те же Баку и Тифлис).

Мы хотели бы сказать несколько слов по поводу отношения автора к майской демонстрации. Мы вполне понимаем, насколько соблазнительна идея приурочить рабочие демонстрации и стачки ко дню 1 мая, когда соц.-демократия имеет возможность синтетически выразить в массовом пролетарском акте и социалистическую цель движения, и политический, антицаристский его характер, и связь его с профессиональными нуждами отдельных групп рабочего класса. Революционное значение нашей майской агитации стоит вне сомнения. Не надо, однако, заблуждаться относительно возможности строить всю тактику нашей «уличной» борьбы на подготовлении к майским демострациям. Социально-революционный характер майского праздника ставит пролетариат в этот день в условия, наиболее неблагоприятные для таких политических действий, ближайшая цель которых — политическое воспитание и обучение организуемых нами масс. Майский праздник есть прежде всего смотр армии труда, а устраивать маневры под перекрестным огнем нарочито мобилизированных и поставленных на страже неприятельских батарей едва ли целесообразно. «Быстрота и натиск» — необходимое условие для победы, а о них нельзя говорить в применении к тактике нашей революционной армии, когда неприятель заранее знает, в какой день мы выйдем на улицу, и имеет возможность всесторонне изготовиться к сражению. Поэтому, хотя мы и должны быть каждый раз наготове воспользоваться всяким благоприятным условием, чтобы демонстрировать в майские дни, но приурочивать все революционные надежды к этим дням было бы ошибочной тактикой.

К вопросу о демонстрациях и нашей тактике мы еще вернемся в ближайшем будущем. А пока поблагодарим автора за его содержательное письмо и еще раз выразим надежду, что партия обратит на него все то внимание, какого оно заслуживает.

ОТВЕТ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ».[9]

(Письмо в редакцию.)

С чувством «глубокой боли и стыда» видит «Рев. Россия», как «только что начинающая жить революционною жизнью молодежь» «вступает в революционные ряды под определенное фракционное знамя» — знамя пролетарского социализма. И «Рев. Росс.» ополчается на брань; она посвящает целую статью «движению среди учащихся средне-учебных заведений», стараясь вконец уничтожить «скороспелую и самоуверенную» программу Южно-Русской Группы и противопоставляя ей «междуфракционную» программу других организаций учащихся. «Девизом движения молодежи, — говорит «Рев. Россия», — всегда служил клич: „К свету!“, стремление к развитию, к знанию... Это стремление — по самому существу своему — свободное, выражающееся, прежде всего, в критическом пересмотре всяких догматов, традиций, которые навязываются юной индивидуальности семьей, школой, церковью, окружающей средой. Эта критика, при существующих общественных условиях, неизбежно, сама-собой, ведет к выработке социалистически-революционного миросозерцания». В большинстве случаев это бывает действительно так (на это мы и указали в своем издании «К вопросу о программе», за которое стало стыдно «Рев. России»). Но есть ли хоть тень этого «социально-революционного миросозерцания» в программах тех организаций («С.-Петербургской» и «Союза молодежи»), на которые ссылается «Рев. Россия» для подтверждения своей мысли? Долго искали мы в этих программных заявлениях подобного миросозерцания и так и не нашли его. В изданиях С.-Петербургской организации (мы знакомы с нею по трем ее воззваниям и одному № ее органа «К свету!») мы не нашли ни слова о социализме, о русском рабочем движении... Мы видели в них исключительно стремление «к свету», «к самообразованию и самовоспитанию», — а о том, что это самообразование и самовоспитание должно послужить нам лучшим оружием в борьбе за принципы социализма, мы не услышали от С.-Петербургской организации ни слова. Но зато мы встретили в ее воззваниях восхваление царя-освободителя, понявшего будто бы с высоты трона нужды русского народа и отвратившего от России потоки крови; о том же, что для блага России необходимо вконец уничтожить этот трон,—С.-Петербургская организация не сказала ни слова. Правда, приведенная «Р. Р.» цитата из № 2 «К свету!» показывает, что организация эта приняла более «ясно выраженный революционный характер», чем в своих первых изданиях, но и до сих пор она не идет далее идеалов русских либералов, также восхваляющих Александра II. — «Одним из характерных по общности пунктов, являющимся важнейшим стимулом к об'единению, — говорит С.-Петербургская организация, — служит стремление развить среди молодежи дух товарищества и впоследствии связать существующие организации и кружки в единый всероссийский союз». Ту же цель преследует, очевидно, и «Союз Молодежи». Кому и для чего нужно это об'единение? Оказывается, что это необходимо для борьбы за... академическую свободу! — «Совещание, образовавшее союз, пришло к заключению, что для того, чтобы добиться академической свободы, необходимо сорганизовать учащуюся молодежь еще на гимназической скамье и подготовить ее к правильной, сознательной планомерной борьбе, — и в виду того постановило: образовать среди воспитанников средне-учебных заведений особую организацию, которая занялась бы подготовкою молодежи к предстоящей ей борьбе за свои права». «Так как совещание не считает возможным для учащейся молодежи добиться при современном казарменно-полицейском устройстве России каких-нибудь крупных уступок своими собственными силами, то поэтому постановило: оказывать действующим в России партиям посильное содействие деньгами и подготовкою учащейся молодежи к революционной деятельности, и потому совещание поручило Центральному Комитету союза завязать сношения с революционными партиями в России». Можно ли найти здесь, повторяем, хотя бы слабую тень *социалистически-революционного* миросозерцания? «Союз Молодежи» не считает своею задачей пропаганду среди учащихся социалистических принципов, — он готовит из нее борцов не за политическую свободу, за права *народа*; он считает достаточным подготовить молодежь к борьбе за академическую свободу, за «*свои* права». Итак, имеют ли эти организации хоть какую-нибудь социалистическую окраску, если даже с самодержавием они только потому готовятся бороться, что его падение принесет им «академическую свободу»? Необходимо ли и возможно ли при таких условиях об'единение всех организаций учащейся молодежи в России? Существует ли у организаций учащихся средних школ, как таковых, такое «общее дело», чтобы в его интересах нужно было бы их безусловное об'единение, несмотря на все программные разногласия? Мы понимаем еще, что такое «общее дело» *изредка* может найтись у студенчества (забастовки, демонстрации). Но какое «общее дело» может быть у нас, учащихся средних школ, как таковых? Не «активная ли борьба с учебным режимом», не об'единенный ли протест против «невыносимо-душной обстановки нашего просвещения»? Но ведь сам «Союз Молодежи» признал, что мы не добьемся ничего собственными силами... Или это «общее дело» есть подготовка к «общему делу» студенчества? Но не все организации удовлетворятся таким «делом». «Союз Молодежи» распустит свои организации, лишь только русский рабочий класс завоюет ему академическую свободу; то же сделает, пожалуй, и «С.-Петербургская организация», когда «дома с заколоченными дверями и окнами» превратятся в свободные школы; наша же Группа и «Харьковский Союз» говорят молодежи, что при низвержении самодержавия не прекратится борьба за торжество «социально-революционного миросозерцания», наша Группа и «Харьковский Союз» — это зародыш будущей «молодой гвардии» социальной революции. Мы готовимся и готовим своих товарищей к борьбе в рядах рабочего класса. Вот что отличает нас от других организаций учащихся средн. школ... «Мы не можем достичь чего-нибудь собственными силами» и потому «мы оказываем посильное содействие деньгами и

подготовкою учащейся молодежи к революционной деятельности», — но не всем без разбора революционным партиям, как «Союз Молодежи», а только той, которая борется за освобождение того класса, в рядах которого мы стремимся работать. И, как первый студенческий с'езд, мы примкнули к социал-демократии именно потому, что под ее знаменем борется русский рабочий класс, потому, что из всех русских революционных партий только она есть партия революционного пролетариата. И «Р. Р.» ошибается, полагая, что при выработке нашей программы мы не отнеслись «сознательно и критически-продуманно и к ее социально-политической программе». Мы познакомились с отношением ее к рабочему классу, — детально познакомились с ее «аграрной» программой, — несмотря на всю свою сбивчивость и запутанность достаточно ясно указывающей на мелкобуржуазный характер ее стремлений, — мы сравнили деятельность Донского Комитета Р. С.-Д. Р. П. с деятельностью Качура, как члена «Боевой Организации», — и решили примкнуть к партии пролетариата — к русской социал-демократии.

Но «Рев. Россия» вообще не может представить себе «организацию учащихся, выработавшую себе определенную партийную политическую программу». «Несомненно, — говорит она, — руководители этих организаций могут внушить последним ту или иную партийную окраску, но заменит ли эта окраска самостоятельно выработанное мировоззрение, основанное на знакомстве со всеми основными течениями общественной мысли, — это вопрос, по меньшей мере сомнительный». Из этой цитаты легко видеть, как «Рев. Россия», вслед за Киевским Центральным отд., никак не хочет понять нашей точки зрения о пропаганде социалистических принципов, не переставая сравнивать «самостоятельно-выработанное миросозерцание» с какою-то вредною «окраскою». Пропагандируя необходимость террористической борьбы, последователи «Рев. России» знакомят, конечно, рабочих с мнениями противников террора, но они ведь оставляют за собой право утверждать искренность своего убеждения — о том, что только в «Боевой Организ.» — спасение русских рабочих. Если социал-демократическая организация приступает к пропаганде идей пролетарского социализма, — то она может одинаково беспристрастно знакомить рабочих со всеми течениями общественной мысли, начиная с доисторических времен и кончая «новейшим социализмом» гг. социалистов (?!) революционеров, — но отстаивает истинность только социал-демократического учения. И никто не сетует на нее за «сужение умственного кругозора» рабочего. Но когда отдельные организации, состоящие из учащихся, «выдающихся по своему развитию», «с вполне сложившимся миросозерцанием», начинают вести пропаганду идей пролетарского социализма, — тогда начинаются рассуждения о «самоуверенном определении путей саморазвития», об «умственном рабстве» и пр., — которыми занималось уже Киевское Центральное отд., поддержанное теперь «Рев. Россией». «Глубоко убежденные в истинности революционного социализма», мы, как и «Рев. Россия», зовем учащуюся молодежь к «ознакомлению со всей полнотой научной и общественной мысли», но мы оставляем за собой право указать молодежи, где во всех этих научных и «общественных» учениях плевелы и где пшеница, где она действительно найдет научное обоснование пролетарского социализма, а где — только громкие и красивые фразы.

Между прочим, «Рев. Россия» не преминула бросить тень на «программу» нашей Группы, указавши на то, что в своем воззвании «К вопросу о программе» мы будто бы только и делаем, что цитируем издания социал-демократической «фракции». С своей стороны, укажем «Рев. России», что лучше выражать свои самостоятельно-выработанные мысли правильными цитатами из «Искры», чем подпирать свою колеблющуюся программу неправильными цитатами из Маркса и Энгельса или уснащать свои статьи заведомо неверными цитатами из журналов семидесятых годов (статьи о «чигиринском деле»), как это делают гг. социалисты-революционеры.

20. V. 1903. Центральный Комитет
Южно-Русской Группы
Учащихся Средн. Школ.

P. S. Кстати, еще несколько слов о новой организации учащихся — о «Союзе Молодежи». «Рев. Россия» утверждает, что он образовался на с'езде представителей средне-учебных заведений. До сих пор мы не получили ни от «С.-Петербургской организации», ни от «Харьковского Союза», ни от Киевского Центр. отд., с которыми мы поддерживаем сношения, — никакого извещения об этом «с'езде». Кроме того, с самого февраля месяца ни мы ни «Харьковский Союз» не получали приглашения вступить в организацию этого «Союза Молодежи», несмотря на то, что найти нас не так-то трудно. Где же обретается этот «Союз», от каких это средне-учебных заведений были представители на его с'езде и с каким это несуществующим «секретариатом Студенческого Союза» собирается вступать «Союз» в федеративные сношения? Не раз'яснит ли нам это «Рев. Россия»?

ЗУБАТОВЦЫ В ПОДПОЛЬНОЙ ПЕЧАТИ.

Если бы кто-нибудь предсказал Николаю I те меры, какими правительство его правнука будет отстаивать устои Российской Державы, непреклонный прадед, несомненно, отравился бы еще до Севастопольского погрома. И было бы отчего!

Правительство Николая I запрещало холопского духа писателям расточать подобострастные хвалы мудрости начальства: власть не нуждается в одобрении подданных. Правительство Николая II содержит на народные деньги целый ряд газетчиков и ораторов, назначение которых хвалить и хвалить премудрость властей до притупления перьев, до хрипоты в голосе...

Правительство Николая I имело силу и власть оставить народные массы без печатного слова, запрещая дешевые книги и газеты, способные, по словам графа Уварова[10], «привесть массы в движение».

Правительство Николая II оказывается вынужденным доказывать рабочим неизбежность «рабочего движения». И доказывать — как? Посредством нелегальных произведений, направленных против социализма. У нас под руками одно из таких произведений. Издано оно посредством машинки ремингтона. Место издания не обозначено, — но, судя по содержанию, — недалеко от охранного отделения. Подписано — «Группа сознательных рабочих». Простая ли это фальсификация, или к про-

изведению действительно приложили руку те «сознательные рабочие» зубатовской фабрикации, имена которых будут записаны историей русского рабочего движения в главе «О предателях», — не все ли равно?

Подпольное произведение, защищающее самодержавие от революционной критики, остается все таким же глубоким знамением полного внутреннего разложения «устоев» Российской Державы...

Основные положения теории полицейского социализма таковы.

С возникновением класса рабочих возникло и рабочее движение. «Эта борьба возникла естественно, сама собой, как борьба вновь народившегося класса, она вытекла из склада самой жизни и остановить ее нельзя ничем: она неизбежна и неудержима».

Но как бороться? Есть путь эволюции и путь революции, путь «планомерного восхождения» и путь «фантастических скачков». Но путь революционных скачков уже давно скомпрометировал себя в глазах всемирного пролетариата. Французские рабочие, например, произвели революцию, «весь Париж залили своей кровью, осиротили свои семьи и добились уничтожения правительства... а дальше... дальше: власть перешла к буржуазии и буржуазия сейчас же, для защиты себя от „буйных“ рабочих, кровью которых только что получила власть, издала закон, согласно которому, если толпа не рассеется по первому требованию, то вооруженные власти должны открыть против нее огонь. Простой народ увидел обман революционеров, но было уже поздно».

Уж, конечно, не мы, социал-демократы, будем защищать французскую буржуазию, ко́торая при помощи ружей заставляла, подчас заставляет и теперь рабочих расходиться, — но как вам покажется демагогическая наглость «теоретика» зубатовщины, который кивает на кровожадный эгоизм европейской буржуазии, забывая о Домброве, о Тихорецкой, о Кишиневе, о Златоусте, обо всех тех адских деяниях русского самодержавия, которые вызывают чувство ужаса даже у европейской буржуазии!

Итак, путь революции — не путь рабочего класса. Ему нужен союз с правительством и с «общественным мнением». Если бы мы не смотрели на все сквозь листы подпольных изданий (не забывайте, читатель, что это говорится в подпольном издании!), глазами наших самозванных учителей-революционеров, то знали бы, что правительство само идет нам навстречу; мы бы знали о том, что в некоторых больших городах рабочим, ставшим на путь экономического движения, разрешено уже устраивать союзы, иметь своих представителей» и прочее и пр. и пр.

Жаль только, что автор забывает прибавить, что эти «союзы» состоят под руководством провокаторов, что независимые «представители» рабочих немедленно арестовываются, и наконец, — а это главное, — что самый вопрос о рабочих «союзах» был поставлен правительством только под давлением революционного движения пролетариата.

Союз с «общественным мнением»! Опять-таки автор не поясняет, говорит ли он о мнении буржуазии, которая, как мы уже знаем, не прочь противопоставить пролетарским требованиям ружейные дула, или о мнении пролетариата, который, как, вероятно, известно автору, все решительнее и решительнее идет за «самозванными учителями-революционерами».

Критика социализма у нашего автора из рук вон плоха. «Что касается раздела всех благ, — говорит он, — то это уже совсем мудреное дело»: дома, видите ли неодинаковы, земля тоже в разных местах неодинакова, многих предметов (машин, что ли?) и вовсе «на всех не хватит». Как тут делить? «Много насилий, много страданий вызвал бы такой раздел, а равенства все равно не было бы: люди более способные, трудолюбивые, ловкие, сейчас бы выделились и стали быстро богатеть на счет остальных, и в результате получилось бы только „перемещение“ богатств от одних к другим».

Эх, г. Зубатов, надо бы поискать более приличного теоретика! Кто же в наши дни, когда всюду и везде распространены социал-демократические издания, не знает, что социализм не означает раздела земли и фабрик, что только мелкобуржуазные демократы вздыхают об «уравнительном» распределении земли? Социал-демократия требует перехода всех средств производства в общественную собственность. Такой переход, уничтожив товарное хозяйство, тем самым положит раз навсегда конец «обогащению одних на счет других». Нет, нет, совсем не достаточно служить в охранном отделении, чтобы «разнести» социализм по кускам!..

Подпольно-полицейское произведение заканчивается такой фразой: «Не верьте, братцы, что без труда можно чего-нибудь добиться, что с переменой правительства вдруг станет всем хорошо жить, — это гнусный обман, которым хотят только завлечь нас, чтобы воспользоваться нашей силой...» Мы, социал-демократы, прекрасно вооружены против такой демагогии. Мы не устаем повторять массам, что с переменой правительства далеко не «вдруг» станет всем хорошо жить. Мы не устаем твердить, что для нас политическая свобода значит свобода дальнейшей революционно-пролетарской борьбы за социализм. Мы не устаем работать над созданием самостоятельной пролетарской партии, которая и в момент грядущей «буржуазной революции сумеет отстоять пролетарские интересы от либерально-цензовых и буржуазно-демократических посягательств. И вот почему, между прочим, и в борьбе с зубатовской демагогией социал-демократия должна резко отделять себя от революционеров, склонных к буржуазно-демократической демагогии, от революционеров, способных говорить массам, будто «весь секрет» в том, чтоб «посадить царя на учет», будто после низвержения самодержавия наступит на Руси «мир» и «равнение». (См. «популярную» литературу «Аграрно-социалистической лиги» и «Партии соц.-рев.»).

Да, усердно работают зубатовские птенцы над развитием рабочего движения «в чисто-русском духе». Этой работе пора бы — в целях социал-демократической агитации — подвести кое-какие итоги. Сколько-нибудь полно и обстоятельно это можно сделать только в форме брошюры, — и мы пользуемся случаем, чтобы попросить товарищей, живущих на местах зубатовского «творчества», доставить нам все документы и сведения, характеризующие эту поистине непредвиденную полосу нашей «внутренней политики».

Самодержавие не дает места нашей революционной печати на вольном воздухе. И что же? Оно само оказывается вынужденным спуститься к нам в подполье... Милости просим, милости просим... Тут мы впервые померяемся «на равных правах»! — Словом против слова.

[Н. Троцкий]

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ НА СУДЕ.

21 мая состоялось заседание Саратовской судебной палаты по делу о рабочих Денисове и Селиверстове, обвинявшихся в распространении майских прокламаций с призывом к демонстрации, состоявшейся в Саратове 5 мая 1902 г. Третий обвиняемый по тому же делу, рабочий же Тимашев, скрылся до суда. Защита доказывала, что обвиняемые, арестованные при расклейке прокламаций, могут быть признаны виновными лишь в подготовлении преступного действия, а не в участии в нем, как настаивал прокурор. Суд большинством пяти голосов против четырех согласился с прокурором и приговорил Денисова к ссылке в Сибирь на поселение, а Селиверстова — к $3^1/_2$ годам арестантских рот. Товарищ Денисов произнес на суде замечательную речь, которую приводим полностью.

Господин прокурор в своей обвинительной речи указал на то, что демонстрация 5 мая была следствием петербургских событий, т. е. казни Балмашева. Повидимому, прокурор незнаком ни с рабочим движением, ни с психологией масс. Я сам рабочий, и мое то или другое отношение к современному общественному строю сложилось под непосредственным влиянием окружающей среды. Далекими, но еще яркими образами вставало предо мной печальное прошлое, когда людей меняли на собак, когда рабочих по малейшему поводу секли розгами. И шли (говорил отец) рабочие на гауптвахту, и секли их там, нещадно секли; случалось, засекали до смерти. Случалось, что более непокорных рабочих прогоняли сквозь строй. Редкий человек мог пройти под ударами палок все зеленое солдатское поле; большинство из них, окровавленные, с оторванными кусками мяса, падали на половине пути, падали и умирали.

Так жилось рабочим в доброе старое время, не лучше живется и теперь. Все тот же гнет, все та же бедность, и хотя не секут их розгами, не убивают палками, но от этого не легче. Казацкая плеть и солдатская пуля вполне могут заменить розги и шпицрутены. Экономическое положение трудящихся масс также безотрадно. Живя по России, в Москве или в Баку, я видел, как ютятся рабочие в подвалах и конурах. Я видел рабочих, когда они, после тяжелого трудового дня, усталые возвращались в свои квартиры. Апатичные, вялые, они тупеют с каждым днем и к пятидесяти годам делаются стариками. Здоровье, бодрость, гибкость мышц и ума, — все пропало. Все убил длинный рабочий день, все исчезло в серой однообразной жизни. От человека ничего не осталось, одна лишь ходячая рабочая сила, способная работать, и только работать.

Я видел детей этих бедняков: исхудалые, в жалких отрепьях, они таяли в духоте квартир, в чаду заводской копоти.

Я видел безработных, людей, желающих только работать, потому что не иметь работы значит не иметь пропитания не иметь жизни. И тысячи, десятки тысяч рабочих, юноши и старики, женщины и мужчины не имеют жизни, обречены на смерть. И они умирают, медленно для постороннего глаза, голод почти незаметно сводит этих вышибленных из трудовой колеи рабочих в могилу. Да, такова доля рабочих, темными тучами окутана их жизнь. Эта печальная эпопея трудящегося люда не могла пройти для меня бесследно, она положила свой отпечаток на мое миросозерцание, она поставила меня во враждебные отношения к существующему строю, она заставила меня примкнуть к только еще начинающемуся рабочему движению, и я сделался сознательным борцом за дело освобождения рабочего класса. Рабочее движение, носившее в 90-х годах экономический характер, в настоящее время, благодаря кризису, отчасти репрессиям правительства, а, главным образом, благодаря большей зрелости рабочих масс, получило политическую окраску. Стачка заменилась демонстрацией; в одной из таких демонстраций, а именно — бывшей 5 мая в Саратове, я счел нужным принять участие. Я распространил в ночь на 5 мая прокламации, приглашающие всех рабочих и всех тех, кому дороги интересы пролетариата, придти выразить протест против современного положения вещей.

Демонстрация 5 мая была вместе с тем и майским праздником рабочих, и заключение г. прокурора о казни Балмашева, как о причине демонстрации, неверно. Майские демонстрации бывали и раньше и позже казни. Требования, выставляемые рабочими, имеют мало общего с Балмашевым. Террористический способ борьбы и программа партии, из рядов которой вышел Балмашев *, также чужды рабочему движению. В настоящее время рабочие выходят на улицу не бунтовать, не призывать городское население к оружию, нет! Они демонстрируют, они хотят показать господствующему классу, что дольше терпеть не могут, что они имеют право на лучшую жизнь. На знаменах, которые были в демонстрации 5 мая, были надписи: «Мы требуем 8-часового рабочего дня!», «Работы безработным!». Почему-то прокурор в своей обвинительной речи ничуть не упомянул об этих требованиях, а ведь меня, как выразителя интересов русских рабочих, эти требования больше касаются, чем других.

Восьмичасовой рабочий день необходим нам, рабочим, чтобы стать людьми; чтобы, кроме работы, оставалось время и на самообразование и на воспитание детей; чтобы не утомляться на работе до одурения; чтобы сберечь свои силы не до 30, не до 40 лет, а на всю жизнь, так как только и есть ценное у рабочих — это их сила; чтобы защитить рабочий класс от вырождения, ибо непосильный труд истощает организм. Да, защитить, а ведь право самозащиты существует и считается законным правом на всех языках, во всех уголках земного шара.

Надеюсь, что вы, господа судьи, не будете оспаривать это право и у нас, русских рабочих.

Другое требование было: «Работы безработным». Если первое требование было справедливо, то второе — тем более. Люди, которые своим трудом прокармливают господствующие классы, люди, создавшие и создающие все блага культуры, имеют большее право на пользование этими благами, чем те, которые пожинают их, не сеявши. И вот, имея это нравственное право, рабочие пока не пользуются им; они пока не говорят: «уйдите все, пожинающие плоды наших трудов». Нет. Они заявляют только: работы безработным. Дайте работы рукам, которые содержали и содержат прошедшие и настоящие правительства, дворян, фабрикантов, купцов и пр. не трудящиеся слои современного государства! Дайте работы людям, которые создали богатства другим, а сами терпят лишения!

Неужели вы, господа судьи, назовете людей, требующих работы, преступниками? Неужели вы осудите их на голодную смерть? Это было бы мало того, что несправедливо, но и жестоко, чудовищно жестоко. Требование политической свободы с прибавлением «долой самодержавие!» не есть только требование рабочих. Политическая свобода нужна и средним слоям буржуазии и людям сво-

---

* Товарищ Денисов, повидимому, не знаком с фактами, доказывающими, что Балмашев не вышел из рядов партии соц.-рев., о которой он здесь говорит. До самого последнего времени Балмашев был социал-демократом. От этого, конечно, не меняется оценка террористического способа борьбы и его отношения к рабочему движению.

Прим. ред.

бодных профессий, не говоря уже о миллионах крестьянства.

Но что может назваться свободой для них, то вовсе не обязательно послужит свободой и для рабочих. Политическая свобода для рабочих не есть цель, а одно из необходимых условий в деле защиты своих интересов, в деле завоевания лучшего будущего, поэтому исключительно политическое движение не может быть движением рабочих масс.

Я — социал-демократ. Считая, что социал-демократия, и только она одна, является истинной выразительницей интересов пролетариев вообще, и русских рабочих в частности, я считаю долгом следовать ее принципам, поступать согласно ее программе.

Одним из пунктов программы и есть требование политической свободы. Это требование не есть продукт каких-либо теоретических соображений; нет, оно вызвано жизнью. Причина возникновения этого требования так же глубоко лежит в рабочих массах, как глубоко внедрены причины, делающие русских рабочих социал-демократами.

Самодержавие сдавливает рабочее движение, самодержавие всеми средствами отстаивает милых его сердцу крупных капиталистов при столкновении их с рабочими. Самодержавие держит рабочих в черном теле: оно преподносит рабочим только темницы, казацкие плети да солдатские пули; оно наказывает за участие в тайных рабочих союзах, за стачки, за всякий протест, выраженный рабочей массой. Самодержавие ссылает лучших борцов за рабочее дело в Сибирь, в холодные, бесплодные тундры. Самодержавие стоит препятствием в деле пропаганды социалистических идей, в деле достижения рабочими социалистического строя.

Проповедуя социалистические идеи, социал-демократы надеются, что эти идеи, проникнув в народные массы, сделают возможным проведение в жизнь таких реформ, осуществление которых принесет благополучие не только трудящимся классам, но и всему человечеству. Для осуществления социальных реформ и требуется народное правление, ибо реформы и возможны только тогда, когда народ свои думы и свои желания воплотит в закон, чтобы этот закон применить к жизни.

Я участвовал так или иначе в деле борьбы за освобождение рабочего класса, считал и считаю свое участие правом, таким же правом, как право жить. Я думаю, что имею право и пропагандировать социалистические идеи и распространять брошюры и прокламации и призывать людей на демонстрацию. Это право зиждется на праве десятков миллионов людей. Вековой труд наших предков, будущее наших внуков — все это дает нам право бороться. Это право голодных крестьян, право измученных рабочих.

Право бороться — право человека!

«Искра» на скамье подсудимых. Арестованные в марте 1902 г. в Кишиневе товарищи Леон и Мария Гольдман, А. Шнойзман, Гриша (фамилия неизвестна) и Корсунская (все — рабочие) преданы суду судебной палаты по делу о типографии «Искры», взятой на квартире у Гольдманов. Типография была открыта случайно, благодаря тому, что Л. Гольдмана, который в Кишиневе жил по паспорту Ис. Римана, узнал шпион. Приведенный в участок, Гольдман был узнан приставом как обитатель квартиры в его участке. В квартире была найдена хорошо обставленная типография и 5.000 экз. только-что отпечатанной брошюры «Легальные союзы» (о зубатовцах). Л. Гольдман, по ремеслу слесарь, был в 1899 году арестован в Нижн.-Новгороде, где служил солдатом, и привлечен по делу литовской социал-демократии в Вильно. Весной 1900 г. он был выслан обратно в полк, но с пути бежал из-под конвоя и скрывался два года, пока несчастная случайность не предала его снова в руки жандармов.

Согласно непроверенным еще нами слухам, дело «Искры» уже разбиралось и якобы закончилось осуждением Гольдмана и его товарищей на восемь лет каторги.

Подсудимый в роли судьи. В странах свободных государственный деятель, который, пользуясь вверенной ему властью, совершил бы уголовно наказуемое преступление, должен был бы отвечать за него перед собранием представителей народа. В порабощенной России главный и самый злостный виновник кишиневских убийств не только не предан суду за свое преступление, но сам парадирует в роли судьи перед представителями еврейского населения. Г-н Плеве «милостиво» принимает еврейскую депутацию, явившуюся «просить и искать умиротворения, успокоения и защиты», он, только-что изобличенный английским Times'ом как автор известного письма к бывшему бессарабскому губернатору, фон-Раабену, нагло разговаривает с евреями об их собственной «вине» в совершившихся событиях. Подсудимый с удивительной развязностью играет роль судьи. Палач с истинно-самодержавным цинизмом подбадривает и в то же время осуждает жертвы своего живодерского таланта.

Аудиенция у Плеве происходила 11 мая. Гг. Гольдштейн, Вринберг и Кенигшац — выборные еврейской буржуазии в Одессе — указали Плеве — в пределах, конечно, «верноподданнического» тона — на роль кишиневских властей и Крушевана в подготовке и организации погрома, на то действие, которое должен возыметь известный иезуитский циркуляр Плеве, обвинявший евреев в том, что они вызвали столкновение; они отметили, что «все мероприятия местной администрации за последние годы в отношении еврейской массы — одно глумление», что в «Бессарабце», «с разрешения начальства, публикуется приглашение к пожертвованию в пользу семейств громил, и тут же официально воспрещается печатание воззвания о воспомоществовании тысячам обездоленных и погромленных евреев». Они просили Плеве издать новый циркуляр, который показал бы христианскому населению, что правительство намерено защищать жизнь и имущество евреев. Они просили, чтобы было произведено расследование о действиях кишиневской полиции и чтобы была «обуздана» антисемитская печать, натравливающая темную массу на евреев. Как будто бы «обузданием» хотя бы и подлой печати можно достигнуть просвещения сознания невежественных слоев народа!

Плеве в ответ на все эти ходатайства заявил, что издать новый циркуляр значило бы признать, что первый циркуляр «не возымел надлежащего действия». А, признав это, «власть признала бы как бы свою слабость, что, конечно, само по себе недопустимо».

Г. Плеве уверял, что он очень сочувствует пострадавшим, что он вовсе не враг евреев и намерен облегчить их положение, но тут же перешел к угрозам, смысл которых совершенно ясен и которые должны получить самую широкую огласку, дабы каждый знал, как современное русское правительство смотрит на свое отношение к целым миллионам народа.

«Ваша молодежь, господа, — сказал министр-убийца, — за последние 20 лет совершенно отделилась от вашей церкви и семьи; она ошибочно полагает, что Россия — дряхлый организм, который легко разрушить. Пусть она знает, что это — глубокое заблуждение. Россия — молодой, крепкий организм, и если мы иногда испытываем известные потрясения, как, напр., в данный момент на юге и юго-западе от разных рабочих союзов, «бунда» и проч., то это временные затруднения, быть может и сильные, но которые мы одолеем... Если мы убедимся, что антиправительственное движение в вашей среде не прекратится, не ослабнет, то мы не остановимся и перед крайними мерами, мы будем вынуждены избавиться от вас, и для этого мы, с одной стороны, облегчим для вас, по возможности, эмиграцию, а, с другой стороны, закроем для вас школы и вообще мы сделаем условия жизни для вас в России невозможными». «Прошу принять это не как угрозу (!!), а как указание на то, в какие условия могут поставить себя евреи».

Можно ли яснее дать понять, что г. Плеве принимает на себя полную ответственность за совершенные в Кишиневе грабежи и убийства и что он обещает евреям повторение насилий над их личностью и имуществом, если они не перестанут выделять из своей среды революционеров?

Сделать условия жизни евреев «невыносимыми» возможно для г. Плеве, тем более возможно, что эти условия уже теперь недалеки от того. Именно невыносимый характер этих условий толкает все растущую часть евреев в ряды революционеров. Усилить гнет, лежащий на евреях, значит — еще сильнее революционизировать их. Не поможет самодержавию и та паника, которую угрозы Плеве вызывали и будут вызывать в еврейском «образованном» и необразованном мещанстве. Правда, много гнусностей совершит это мещанство, много грязи всколыхнет в этом болоте новая политика Плеве. Уже теперь, как пишут нам из Кишинева, еврейское «обывательское» общество сплошь превращается в добровольных шпионов, думающих услугами жандармской полиции умолить разгневанные власти и предотвратить повторение погромов. Уже в Одессе еврейские лавочники били и истязали еврейских и русских рабочих революционеров. Подобное поведение еврейской буржуазии только ускорит процесс отделения еврейского пролетариата от нее, оно будет содействовать росту соц.-демократического движения среди еврейских рабочих, которые вместе с рабочими русскими станут деятельно готовиться к тому, чтобы силой отражать всякие попытки правительства убийствами, грабежом и насилием водворять начала самодержавия и «общественного порядка».

Комедия судебного следствия в Кишиневе. Местные судебные власти не хотели начинать следствие и никого не арестовывали. Убийцы гуляли на свободе, хвастали своими подвигами и угрожали евреям повторить еще раз погром. Местный следователь Давидович в статье, помещенной в «Бессарабце», старался доказать, что нельзя преследовать никого судом, так как индивидуальной вины здесь нет, а все происшедшее надо считать стихийным явлением природы. Только с прибытием из Одессы прокурора Поллана следствие началось. В несколько дней было арестовано свыше тысячи человек, так как виновные не скрывали своего участия в погроме, будучи убеждены, что они честно выполнили приказание начальства. Но как только г. Поллан выехал из Кишинева, положение вещей опять изменилось: часть лиц, ведших следствие, самолично участвовали в погроме, другие боялись быть слишком усердными, чтобы не вызвать неодобрения со стороны высшего начальства в Петербурге. Поэтому они принялись тушить дело. Главный следователь отказался от вскрытия и посещения трупов убитых под тем предлогом, что причина смерти известна. Было отдано приказание похоронить убитых как можно скорее. Полиция не давала фотографировать убитых и раненых. Очевидно, начальство стремилось к тому, чтобы нельзя было найти улик против отдельных лиц и чтобы пришлось приписать все преступление действию буйной толпы. Не только отказались исследовать места убийства, но были приняты меры к уничтожению всех следов преступления. Оставшимся в живых был отдан приказ очистить все жилища от всех следов убийства, и полиция строго следила за исполнением этого приказа. В доме убитого еврея Хацкелевича не успели все вычистить, так как вся семья, тяжело раненая, находилась в больнице, тем не менее, вдова была приговорена к тюремному заключению на один месяц. Оставались только показания свидетелей, но и здесь следователи постарались не выдавать убийц. Все следствие было подразделено на части, так что каждый следователь вел дело только по преступлениям одного рода: один занимался делами об убийстве, другой — о поранениях, третий — о грабеже, четвертый — о краже и т. д. Кроме того, свидетельство одного еврея считалось недостаточным и, таким образом, освобождены были многие, виновность которых подтверждалась свидетелями. А во многих случаях других свидетелей, кроме евреев, и не могло быть, так как дело происходило в закрытых помещениях. В каком духе ведется следствие, лучше всего доказывают следующие факты. Главному следователю г. Фреймату было доложено о двух случаях изнасилования, но он отказался внести это в протокол, говоря: «Это мелочи». Этот же господин допрашивал раненых в больнице и в протоколе совершенно изменил смысл их показаний. Фельдшерица, присутствовавшая при допросе, протестовала самым энергичным образом против подобного поведения. Господин Фреймат напустился было на нее и хотел ее напугать, но госпожа Неручева (фамилия фельдшерицы) приказала ему убираться, и у следователя нехватило храбрости явиться еще раз в больницу для дальнейших допросов, и он послал туда заместителя. Многие из участников погрома могли своими показаниями обличить организаторов, и потому они наскоро были освобождены следователями, хотя по закону последние не имеют права освобождать обвиняемых без разрешения прокурора.

Чтобы помешать евреям обжаловать эту комедию, администрация пользовалась теми правами, которые ей дает положение усиленной охраны, введенное якобы для защиты евреев. Так, два еврея, по фамилии Мучник, были посажены в тюрьму на один месяц по приказанию временного губернатора (г. Устругова, друга Крушевана) «за то, — говорит официальный приказ, — что они громко перед толпой евреев говорили на своем жаргоне против действий полиции». Даже еврейские врачи, дававшие правдивые показания о тех ужасных изуродованиях, которые они нашли на трупах убитых, подвергались преследованиям и угрозам со стороны администрации. Земский врач Дорошевский, давший корреспонденту «Новостей» подробные сведения о характере найденных им ран, должен был оставить службу в земской больнице.

Последствия погрома в Кишиневе. Привожу вам данные из одного частного письма по поводу того, что творилось и творится в Кишиневе. Корреспондент называет настоящее положение дел «продолжением погрома» и об'ясняет это так.

«Это „продолжение погрома“, т. е. обостренное попрание человеческих прав евреев, сказывается, напр., в том, что административные репрессии, направленные, якобы, к успокоению края, обрушиваются странным образом именно на евреев или лиц, ставших на их сторону.

«Так, на этих днях исполняющий должность губернатора вице-губернатор Устругов, пользуясь 20 ст. „Положения об усиленной охране“ (каковое введено по поводу погрома), устранил от должности земского врача Н. А. Дорошевского, известного своим гуманным отношением к евреям и пользующегося среди них громадною популярностью. Тот же Устругов, не довольствуясь уже предоставленными ему „Пол. об усил. охр.“ широкими полномочиями, 23 мая, вопреки как цензурному уставу (178 и 180 ст.ст.), так и „Положен. об охране“, отдал приказ о конфискации во всех книжных магазинах и на квартире книгоиздателя Брестона изданной последним брошюры, заключающей в себе исключительно текст проповедей Иоанна Кронштадтского (речь, а не письмо *) и епископа Антония, и разрешенной к продаже одесским цензурным комитетом. Исполняя этот приказ, городовые и околоточные целый день обходили все книжные магазины, лари и киоски и отбирали книжку, а также саблями соскабливали со столбов во множестве расклеенные с разрешения той же полиции об'явления о выходе этой брошюры. Эта полицейская демонстрация, произведенная почти накануне 25 и 26 мая, когда ожидалось повторение погрома, без сомнения, была понята широкими слоями городского населения как административное порицание тех элементарных гуманных мыслей по еврейскому вопросу, какие имеются в проповедях И. Кронштадтского и епископа Антония.

«Изданное и. д. губ. на основании „Положения об усиленной охране“ обязательное постановление, согласно которому иметь оружие впредь дозволяется только со специального разрешения губернатора, применяется таким образом, что до сих пор разрешение дается только христианам. В результате — обезоруживается после погрома именно та часть населения, на которую совершено было ужасное нападение.

«Пользуясь „Пол. об усиленной охране“, и т. д. губернатора посадил под арест на месяц двух евреев, сильно потерпевших от погрома, которые решились (громадное

---

* Как известно, в позднейшем письме Иоанн Кронштадтский взял назад свой протест против кишиневских событий.

большинство не решается) дать показания у судебного следователя против полиции (остроумный следователь поручает проверку этих показаний той же полиции)».

А вот что делается за пределами Кишинева: «17 мая на станции Раздельная некий еврейский юноша сделался случайным свидетелем того, как одетый в европейское платье господин (впоследствии оказавшийся Прониным, один из самых богатых людей в Кишиневе, крупный подрядчик, оказывал денежную помощь „Бессарабцу", едва ли не самый деятельный после Крушевана антисемит в Кишиневе, а по своим связям с рабочим людом — и самый опасный), окруженный почтовыми чиновниками (дело было в почтовом отделении), громко повествовал последним о причинах кишиневского погрома. По его словам, евреи вызвали озлобление в христианском населении тем, что убили с ритуальными целями мальчика в Дубоссарах, а 6 и 7 апреля первые напали на христиан. Возмущенный этой ложью, юноша вмешался в разговор и, в завязавшемся затем споре, заявил, что погром не был вызван нападением евреев, а был заранее кем-то подготовлен, так как до погрома еще были выпущены прокламации, призывавшие христианское население к избиению евреев. На возражения Пронина, что это неправда, юноша вызвался прислать тот номер «Спб. Вед.», где сообщалось об указанных прокламациях. После этих слов Пронин немедленно крикнул: «жандарм!», и когда тот пришел, сказал ему, указывая на юношу: «Арестуйте этого человека, он обещал прислать нам прокламации». И юноша был арестован и затем привлечен к дознанию по 251 ст. Ул. о наказ. (распространение преступных сочинений). В прокуратуре говорят, что дело об этом юноше будет прекращено, но не характерно ли, что из двух собеседников по поводу погрома арестовывается именно тот, кто говорит в защиту евреев?».

Как самодержавие готовится к уличным сражениям.

Нам доставлен весьма интересный секретный циркуляр Клейгельса, изданный перед 1 мая сего года. Рекомендуем всем товарищам внимательно ознакомиться с его содержанием.

Секретно.

Распоряжения для предупреждения и пресечения уличных беспорядков.

(К 1 мая и к 200-летию С.-Петербурга.)

1. Предлагаю чинам полиции всякие скопления публики рассеивать, приглашая расходиться, ссылаясь на мое Обязательное Постановление от 8 марта.

Неподчиняющихся — задерживать и привлекать к ответственности.

2. Если меры полиции окажутся недостаточными для восстановления порядка, вызываются войска, которым указывается цель и направление действия.

3. По восстановлении порядка, задержанные лица направляются в ближайшие к месту беспорядка полицейские дома, причем от сопровождающих чинов полиции требую полного самообладания и спокойного, сдержанного обращения.

4. Как скоро будет замечено движение рабочих в город в большем, чем обыкновенно, числе, остановить движение пригородных конок.

При возникновении беспорядков, в случае надобности, распорядиться остановкой движения конок по всему городу, вернувши вагоны в парки.

Приведение в исполнение этого распоряжения возлагается на местных приставов — по личному их усмотрению, сообразно с обстановкой, или же по получении о том распоряжения по телефону.

5. Лиц подозрительных, обращающих на себя особое внимание на улицах, направляющихся в центр города, задерживать и осматривать только полицейским офицерам, в скрытых от публики помещениях.

6. Вменить в обязанность дворникам — всех мальчишек, безобразников и нищих направлять во дворы, в пустые сараи, где держать их до восстановления порядка на улице.

7. До возникновения беспорядков единичных ослушников при задержании отправлять в ближайшие участки при достаточно сильных конвоях.

На случай надобности установить пикеты в ближайших домах.

Только при возникновении беспорядков.

8 а) Все винные лавки, трактиры, пивные и т. п. заведения закрыть; б) ворота домов закрыть и дворников со всеми подручными выставить у ворот.

9. Предупредить жителей о воспрещении находиться на балконах, крышах и у открытых окон в местах возникновения беспорядков.

10. Если бы в толпе кто-либо начал говорить речь, того непременно следует задержать.

11. Если бы где-либо был выкинут красный или иной флаг, то лицо, выкинувшее флаг, необходимо задержать во что бы то ни стало всеми имеющимися средствами.

12. Если на Невском проспекте публика и в ней угрожающий порядку элемент появится в таком числе, что начнет переходить на мостовую, то Невский проспект совершенно очистить от публики, закрыв выходы на него нарядами полиции и дворников.

13. Если бы собравшаяся где-либо толпа была разогнана, то часть конного наряда, следуя за разбегающимися, не допускает их вновь собираться в другом месте.

14. Начальникам дистанций все время быть осведомленными о происходящем на других дистанциях, поддерживая связь по телефону и велосипедистами.

15. Известившись о беспорядке в соседней дистанции, начальники соседних выводят свои наряды на границу дистанции, ближайшую к месту возникновения беспорядка, и в случае надобности помогают.

16. Обо всем происходящем немедленно докладывать мне по телефону.

17. Команды служителей при частях иметь собранными и наготове.

18. Гг. приставам высылать наряды своевременно.

19. Наряды высылать целыми командами.

Подписал: С.-П.Б. Градонач., Ген.-Лейт. Клейгельс.

Петербург. В конце марта на станцию Райвола был послан ящик с «Искрой» (приблизительно №№ 20 — 27). Вследствие непредвиденных обстоятельств, нельзя было его взять сразу. В конце апреля начальник станции г. Н. Вальман полюбопытствовал посмотреть, что находится в ящике, так долго залежавшемся, и, увидав содержимое, нашел нужным сообщить жандармским властям в Петербурге. К счастью для нас, это было узнано во-время, и пострадала лишь одна литература. В настоящее время ящик находится на станции Териоках под непосредственным наблюдением приставленных к нему полицейских властей. Пожелаем, чтобы случайное знакомство с «Искрой» послужило им на пользу. Кстати, несколько слов о доносчике г. Вальмане. Ему 50 лет и он более 25 лет прослужил на разных станциях между Белоостровом и Выборгом. Несколько лет тому назад он был оштрафован своим начальством за контрабандистскую деятельность. Теперь, видно, г. Вальман решил избрать «лучшую часть» — оказывать услуги жандармам. Как в свое время сообщалось в нашей газете, в ноябре на финляндской железной дороге было арестовано несколько человек с литературой соц.-революционеров. Эта катастрофа произошла по доносу трех низших служащих — Павилайнена, Миелонена и Розендаля. Двое первых были награждены жандармами, а высочайший шеф и друг последних, Николай II, наградил их еще к Пасхе в числе других служащих на финляндской жел. дороге. Видно, лавры этих предателей не давали спать г. Вальману.

Уфа. Убийство Богдановича было совершенной неожиданностью для полиции и жандармов, наслаждавшихся сравнительным отдыхом после многотрудных дней конца апреля и начала мая. Прокламации Орг. Ком., распространенные местным Ком. в ночь на 19 апреля (650 шт.) и на

30-е (800) произвели громадное впечатление как на рабочих, так и в особенности на охранителей общественного спокойствия.

По городу ходили разные слухи, иногда очень нелепые, распространявшиеся, очевидно, полицией и жандармами: говорили, напр., что рабочие будут бить чиновников и «жидов», поджигать обывательские дома и проч. Кишиневское побоище, как видно, научило наших захолустных администраторов новейшим приемам борьбы с крамолой. Накануне первого мая было расклеено за подписью губернатора обязательное постановление, запрещавшее сходки, собрания, хождение толпами по улицам и «не вызываемые необходимостью остановки», с обычными угрозами за неисполнение. Тут же все поголовно обыватели решили, что первого мая действительно произойдет нечто ужасное, и немудрено было решить, ибо почва для этого была прекрасно подготовлена самою же администрацией: попы громили с кафедр «сеятелей смуты», начальство средних и низших учебных заведений предупредительно сообщало учащимся о всемирном празднике рабочих, не советуя и даже прямо запрещая им показываться на улице в день первого мая.

Два-три еврея, говорят, обращались к губернатору с просьбой о назначении им специальной охраны; офицеры усердно и с великой тайной учили в казармах солдат забытым ими после 13 марта приемам «молодецкой расправы с бунтовщиками»; солдатам было роздано по 15 боевых патронов.

Венцом этой своеобразной пропаганды пролетарского праздника явилось названное выше обязательное постановление. Наступил роковой день. Солдаты, шпионы, полиция и жандармы были наготове. Здание Государственного банка, дом губернатора и пр. охранялись городовыми в полном вооружении. В сев. слободе (Софроновка, часть города, населенная рабочими) припрятано было, по слухам, несколько десятков казаков. Некоторые обыватели позапирали свои дома и закрыли ставни, и целые массы учащихся не явились на обычные школьные занятия. Демонстрация рабочих оказалась, таким образом, почти излишней, так как прокламации Орг. Ком. и агитация властей сделали свое дело, пробудив громадный интерес к соц.-дем. и рабочему движению среди самых широких слоев местного населения. Все происшедшее очень сильно подействовало на рабочих и в громадной степени приподняло их настроение. Спрос на соц.-дем. литературу сразу и сильно увеличился — просят после этого «почитать» такие люди, которые раньше ничем не интересовались. «На улице, по выражению рабочих, что ни человек, то крамольник». Словом, движение не по дням быстро растет и вширь и вглубь. Уже не за горами то время, когда забытая судьбой Уфа действительно будет в состоянии принять активное участие в освободительной борьбе русского пролетариата с самодержавием. В следующие дни город принял обычный будничный вид: школьники пошли в школы, обыватели принялись за дело и за «службу», солдаты сложили ружья в козлы, жандармы прекратили свои набеги на обывательские квартиры *, полицейские пристава избавились от беспокойного (и бесполезного) бодрствования под дождем и снегом на улицах и даже за городом, что пришлось им проделывать в течение целого ряда «майских» ночей.

Убийство Богдановича нарушило этот мирный покой и задало всем много работы. В среде администрации поднялась суматоха: губернатор убит, «вице» в отлучке, а полицмейстер Смирнов, как на грех, только-что уволен Богдановичем в угоду своей помпадурше. Временное правительство, с громадным трудом составленное из прокурора окружного суда, председателя казенной палаты, управляющего государственными имуществами и жандармского офицера Кременецкого (полковник Шатов был в отпуску), открыло свои заседания в здании полицейского управления, таская туда поминутно полицейских и жандармов и отдавая по телефону бестолковые приказания об обысках и арестах. 7-го была обыскана, дом за домом, вся Нижегородка (другая рабочая слобода), но безрезультатно, как и все дальнейшие обыски и аресты, причем, повидимому, обыскивающие более искали уральскую типографию, чем убийцу Богдановича.

8-го был арестован служащий в стат. отделении губ. зем. управы Морозов, который в момент убийства Богдановича гулял в парке и вместе с мальчиками-гимназистами на свою беду пустился в погоню за убежавшим неизвестным, убившим Богдановича. Несчастный не выпущен до сих пор и, говорят, сошел с ума. В ночь на 9 мая с большой торжественностью обыскано здание губ. зем. управы: целая рота солдат в полном составе оцепила ее кругом; четыре жандармских офицера и столько же полицейских приставов, масса городовых и жандармов перешарили все углы, разыскивая типографию. С этим инцидентом любопытно сопоставить следующий факт. Во время недавнего с'езда земских страховых деятелей в Спб. Плеве пригласил к себе председателя Уфимской губ. земской управы и с жаром, не слушая возражений, начал доказывать ему, что Уфимская губ. земская управа делается очагом революционного движения на Урале и что, напр., златоустовская история не обошлась без участия ее служащих. В заключение Плеве пригрозил, что «ни перед чем не остановится», подавляя крамолу. Надо надеяться, что описанный и последующие обыски, столь блестяще не оправдавшие ожиданий Плеве, заставят этого высокопоставленного и «всеведущего» палача переменить гнев к бедным уфимским земцам на милость и направить поиски за революционной «бациллой» на другой путь, где, без сомнения, сыщиков ждет не менее блестящий успех. В ту же ночь произведены обыски у двух чиновников Государственного банка, у одного лесного кондуктора, у заведующего складом сельскохоз. орудий губ. земства, у завед. оценочной статистикой, у помощника секретаря губернского управления и у завед. статистич. бюро губ. земства; у последнего искали «принадлежностей тиснения и склад нелегальной литературы».

Чем дальше шло время, тем нелепее и нахальнее становились охранители порядка. Так, архиерей из боязни, не спрятали ли в соборе динамита, просит администрацию произвести и там обыск, и к вящему соблазну «благочестивых» обывателей обыск, хотя и негласный, производится по всем правилам шпионского искусства. Может-быть, его преосвященство старался этим доказать свою благонадежность и непричастность к убийству златоустовского убийцы; доказать, что монахи, гулявшие в парке и перепуганные выстрелами, с неожиданной для самих себя ловкостью скакавшие для ускорения пути через каменную стену собора, что они не были подосланы им, «владыкой», для убийства Богдановича? Все, может быт; держится же в некоторой части обывателей оригинальное убеждение, что убийство губернатора есть дело рук бывших полицейских, весь штат которых, не исключая полицмейстера Смирнова, был раскассирован Богдановичем в угоду г-же Богдановой *.

Грубость и нахальство полиции дошли, наконец, до того, что обывателей стали останавливать и допрашивать прямо на улице — на том только основании, что, кажется, они «очень часто ходят по улице»; иногда и без всяких оснований остановленного вносят в список «подозрительных» и тащат туда, где он служит, там «удостоверяют» его личность показаниями сторожей и после этого оставляют в покое.

А вот, например, жандарм Кременецкий, на вопрос одного из «потерпевших» о причине обыска, ссылается на 29 статью «Положения об охране» (?) (обыск произведен без требуемого законом предписания прокурора), а в дальнейшем об'яснении грубо и нахально заявляет, что обысканный должен быть доволен тем, что его не взяли, — что законы для жандармов не имеют значения, так как у них свои законы... «Вы можете жаловаться куда угодно, — заканчивает Кременецкий, — и не отнимать у меня время по пустякам...».

---

* Перед первым мая арестованы два брата Каблуковых (раб. ж.-д. мастерских) и Тихонов (раб. из чайной развесной Вогау); кроме того, было по нескольку обысков и арестов в Катав-Иван вском, Усть-Катавском и Юриозанских заводах.

* Это та самая госпожа, для которой «отцы города» не пожалели 15 тыс. руб. на устройство парка перед ее домом, безжалостно, однако, оставляя вязнуть в непролазной грязи городских улиц плательщиков городских налогов.

В ночь на 14-е арестован бывший политический ссыльный, присяжный поверенный А. Плаксин, но через несколько дней выпущен; на 16-е арестован, после пятичасового обыска, состоящий под гласным надзором политический ссыльный В. Леонович. 16 мая из губернской земской управы и земского книжного склада забраны жандармами образцы всяких бланков и всех сортов бумаги (очевидно, для сличения с бумагой, на которой был написан «приговор», о существовании которого ходят упорные слухи). Наконец, 21-го здесь получена телеграмма с просьбой сообщить копии с нее в Самару и Красноярск. Из нее видно, что в Сызрани арестован некто Яков (дальше шифром), оказавшимся политическим ссыльным, бежавшим из Красноярска.

Нечего говорить, что все сообщения легальных газет о «симпатиях» и «оплакивании» Богдановича безусловно ложны. Наоборот, весть об убийстве встречена по внешности всеми крайне равнодушно; на-ушко же друг другу «либералы» и даже просто обыватели дружно шепчут: «туда ему и дорога», причем, конечно, и те и другие, как маленькие дети, забывают, что если Богданович бил «бичами», то заместитель его может оказаться специалистом по части «скорпионов». Как бы там ни было, но одни уфимские дворяне (точнее два-три проживающих в Уфе пресмыкающихся представителя этой интеллектуально и морально выродившейся породы содержанок правительства) пошли вразрез с общим настроением, возложив венок на гроб «доблестного героя долга». Даже невозможное издевательство самодержавного правительства над лучшим из «первенствующего сословия» не в состоянии изменить этих прирожденных лакеев! Убийство губернатора, конечно, совсем не походит на революцию, которая одна только может вселить в сердца этой публики на место исконной паразитской угодливости «спасительный страх».

Под шум, произведенный «казнью» Богдановича, представители от всех цехов железнодорожных мастерских, в количестве 15 — 20 чел., устроили собрание для обсуждения различных вопросов, связанных с организацией. Вообще, настроение рабочих не оставляет желать ничего лучшего. Несколько месяцев усиленной агитации произвели большую перемену в их отношении к революционерам и в их взглядах на политич. борьбу. Теперь можно смело сказать, что революционное движение среди рабочих имеет под собой твердую почву и ничем не может быть остановлено. Доказательством этому служит то обстоятельство, что произведенные аресты нисколько не ослабили деятельности Комитета, — напротив, систематическая агитация продолжалась, чем дольше, тем с большей энергией и успехом. 10 мая шесть человек из числа арестованных зимою — Васильев, Пшеничников, Мигунов, Асеев (рабочие железнодорожных мастерских), Лихачев и Дубинин (инт.) отправлены в Самарскую тюрьму. Администрация держала свое намерение в такой строгой тайне, что даже матери некоторых из арестованных узнали о нем всего за несколько минут до отправления их детей из тюрьмы на вокзал, и, тем не менее, весть об этом быстро разнеслась по железнодорожным мастерским, и перед вагоном, где сидели отъезжающие, собралось много рабочих. Арестованные были очень веселы, переговаривались между собой, улыбались знакомым рабочим и пели «Марсельезу» до тех пор, пока тронувшийся поезд не скрылся из виду. Их бодрый вид, веселое настроение произвели большое впечатление на провожавших товарищей.

В настоящее время штат жандармов увеличен здесь очень значительно — прибавлено 4 офицера и несколько нижних чинов. Для устройства сыска приехал начальник одесского (иные говорят — саратовского) охранного отделения и правез с собой будущего руководителя «министерства шпионов» и квалифицированных сыщиков. Последние под большим секретом явились сюда и внесли не малое оживление на улицы сонной Уфы.

На имя Богдановича уже после его смерти от директора департамента полиции Лопухина получилась бумага, извещающая об ассигновании одной тысячи рублей чинам златоустовской полиции «за умелое и быстрое подавление рабочих беспорядков». О принятии же на казенное содержание детей исправника Клюшникова, гласит, между прочим, этот «дорогой» документ, «будет сообщено особо».

Екатеринбург. 27 апреля в Екатеринбурге и на многих заводах среднего Урала были распространены местными соц.-демократами майские листки О. К. В Екатеринбурге они была также расклеены и разбросаны (в количестве свыше 150). Предлагались для распространения эти листки и Екатер. Ком. Уральского Союза, но тот, от распространения майских листков О. К. отказываясь вовсе (потому что он призывал на улицу, что в среднем Урале в настоящее время нежелательно), предлагал взять на себя распространение («с рук на руки») предмайского листка О. К. среди своих кружковых рабочих, ставя, однако, как «ультиматум» (!?), чтобы в Екатеринбурге листки не расклеивались и не разбрасывались. Мотивирован этот, более чем странный «ультиматум», конечно, оставшийся без всякого ответа, тем, что (в виду неконспиративной постановки дел у Союза) расклейка и разброска может привести к провалу *.

Листки вызвали много толков среди рабочих и, во всяком случае, подготовили социал-демократии почву для деятельности, до сих пор здесь, на среднем Урале, бывшей монополией, захваченной Уральск. Союз. соц.-рев. В двадцатых числах 1903 г. из здешней тюрьмы выпущены были: Казаков, рабочий с медных рудников (медн. рудники в 12 верстах от Екатеринбурга), и Каргополов, столяр из Верхне-Исетска. В ночь с 24 на 25 мая одновременно (в 8 час. веч.) были арестованы: Бушуева, княжна Долгорукова, Кабанова, Клещева, Павлинова, В. и К. Стрижевы, Ю. Стрижева, три брата Швалко (последнему 14 лет), Щелконогова, из рабочих (говорят арестовано до 18 чел.) известны фамилии только троих: Вяткин с Монетного двора, Моржаков с макаровской фабрики, Рубцов с той же фабрики, выдает. Было произведено много обысков: Бушуева, приезжая учительница, сестра арестованной, раб. Морозов и Мельников, Шарапов и многие другие рабочие.

28 мая по городу были разбросаны листки Уральского Союза.

Отовсюду здесь — из Уфы, Златоуста, Перми — только и слышишь: аресты, массовые аресты! Прямо душа болит. И всего обиднее, что публика приучается вести революционные дела революционно, конспиративно лишь после массы арестов и провалов! Екатеринбург кишит наехавшими жандармами и шпионами. В Нижний-Тагил также наехало много, и там скоро будут аресты.

Ставрополь-Кавказский. К иллюстрации того положения, что никакие законы не могут гарантировать справедливости там, где страна управляется группой чиновников с самодержцем во главе, привожу следующий факт. В начале 1901 года в городе Ставрополе-Кавказском во время постановки «Контрабандистов», пьесы, повсюду в России вызвавшей протесты лучшей части молодежи за проповедь ненависти и презрения к еврейской нации, поднадзорный Санжур выразил свой протест против постановки этой пьесы и против публики (главным образом, чиновной, с губернатором Никифораки во главе), устроившей овацию артисту-бенефицианту и поднесшей ему в подарок «наличными деньгами» что-то около сотни рублей. Санжур швырнул с райка бенефицианту медный пятак и крикнул на весь театр несколько соответствующих фраз. Тотчас же его схватили городовые, вместе с жандармами, пожарными и солдатами, в ожидании демонстрации занявшие в театре чуть не половину мест, и потащили в полицию, где и продержали несколько часов. Затем был составлен протокол и Санжур привлечен к суду «за нарушение порядка во время театрального представления». Санжур потребовал допроса в качестве свидетелей губернатора Никифораки и вице-губернатора Ключарева, обставив этот вызов всеми формальностями. Городской судья Весельчаков, слывший в городе за либерала, долго не решался беспокоить начальство и ставить его на одну доску с городовыми, шпионами и губернаторской кухаркой, вы-

---

* Свидетельство о бедности, выданное себе Екатер. Ком. Уральского Союза, как организации, было, очевидно, справедливо. В майских арестах у Союза была арестована гектография (во время печатания), мимеограф, краска, отпечатки, литература и т. д. в различных местах (25 мая).

званными со стороны полиции; наконец, настойчивость обвиняемого и отсутствие каких бы то ни было законных поводов к отказу вынудили его послать повестки. Послав повестки, он уведомил об этом Санжура. Местный помпадур, однако, счел за кровную обиду подчиниться закону и дал такую разноску судье, что тот потихоньку взял повестки назад, не пробовал больше тревожить начальство и приговорил Санжура к 4 дням ареста. Дело это, до сих пор еще не законченное, было уже в двух с'ездах и в губернском присутствии, но нигде, несмотря на постоянные требования обвиняемого, губернатор и вице-губернатор допрошены не были. Санжур защищался на суде, доказывая, что он порядка не нарушал, а протестовал против чиновничества с губернатором, полицмейстером, городовыми, жандармами и пожарными, устроившими неистовую юдофобскую демонстрацию в театре. Вместе с этим Санжур был привлечен к ответственности за оскорбление чинов полиции в прошении, поданном губернатору о незаконном удалении из театра и лишения свободы. В этом прошении Санжур издевался над полицией и администрацией, говорил о беззаконности и безобразии их поведения и требовал наказания виновных. Окружный суд приговорил С. к трем дням ареста, но судебная палата оправдала его, так как в прошении не было ни одного выражения, которое можно было бы подвести под статьи закона, а, главным образом, потому, что члены палаты в служебном положении выше членов окружного суда и считают нужным холопствовать перед более крупными административными единицами, чем губернаторы. Для окружного суда и губернатор «шишка» и, угождая ему, он на всякие подлости пойдет.

Как бы то ни было, поведение поднадзорного С., в течение целого года публично боровшегося с престижем полновластия полиции и «хозяина губернии», в своих официальных бумагах и судебных речах много раз высмеивавшего и оскорблявшего губернатора, не давало последнему покоя. И вот Никифораки едет в Питер и докладывает, что его власть дискредитирована, что для восстановления поруганных принципов нужны особые меры, и министр внутренних дел делает распоряжение о водворении С. за дерзкое поведение на 2 года под надзор полиции в город Ейск, Кубанской области. Вот как отправляется правосудие в нашем отечестве, где никакие суды присяжных не могут гарантировать справедливости и где всякий судья всегда может превратиться в губернаторского лакея.

В настоящее время поднадзорный С. из города Ейска скрылся.

Кормчий.

Офицер-убийца. В последнем, четвертом, номере нелегального журнала «Грузия», издающемся в Париже, сообщают о следующем факте. Среди белого дня на одной из шумных улиц Тифлиса был убит офицером некто Джавров, исключенный два года тому назад из тифлисской первой гимназии. Убийца-офицер был взят на гауптвахту и вечером того же дня выпущен на свободу. «В государствах, подобных России, — говорит „Грузия“, — где между войском и народом возведена глухая стена, в государствах, где армии даются на каждом шагу несправедливые льготы, там неизбежна между ними ненависть и столкновения.

«Русский военный воспитывается в изолированной среде: с самого детства ему внушают, что он чуть не украшение и гордость мира, существо, не похожее на остальных смертных. Блестящая внешность, лакированные сапоги, звенящие шпоры заменяют ему благородство и умственное развитие. И когда между офицером и гражданином происходят столкновения, „царский суд“ отличает военного, оправдывая его. Эти ненормальные условия военного быта создали рабский тип русского офицера, зверски грубого по отношению к своим подчиненным и безропотно-льстивого перед начальниками. Вот офицером подобного типа и был убит на-днях Джавров. Джавров, проходя по Головинскому проспекту, нечаянно задел плечом проходящего офицера. Взбешенный воин дал Джаврову пощечину, которую получил обратно с таким процентом, что был сбит с ног. В это время подбежал другой „защитник отечества“, крикнув товарищу: „Чего же вы смотрите! Восстановите выстрелом честь мундира!“ Сбитый с ног офицер, выхватив револьвер, сделал в Джаврова пять выстрелов, и Джавров пал тут же замертво, обагряя теплою кровью грязную мостовую улицы».

Прибавим, в свою очередь, что если общие условия милитаризма сами содействуют нравственному огрублению офицерства, то те функции палача и полицейского, которые выполняет все чаще и чаще русский офицер в наши дни, грозят вконец развратить эту корпорацию, если лучшие ее элементы не сплотятся между собой и не вступят в решительную борьбу с нынешним режимом.

Генерал Богданович и петербургские рабочие. Петербургский кабацкий «Листок» с умилением рассказывает об адресе, поднесенном царскому литературному лакею — ген. Богдановичу «обывателями Невской заставы, рабочими местных фабрик и заводов». По словам газеты, адрес «является наглядным доказательством душевной благодарности рабочего люда». Но тут же прибавляется, что среди подписей под адресом «много фамилий видных обывателей Невской заставы». Надо думать, что эти «видные» обыватели не принадлежат к числу наемных рабов капитала. Идея адреса — политическая. «Дай бог, — говорится в нем, — чтобы деятельность достоуважаемого Евгения Васильевича и впредь обеззараживала народную, особенно рабочую, массу от тлетворного влияния подпольных нашептывателей».

Читатель слишком хорошо знаком с характером всех новейших попыток выведения на сцену «простого народа» под знаменем «самодержавия и православия», чтобы не почувствовать сразу специфически-полицейского «подпольного» запаха и не справиться: «где же сыщик?», какая полицейская рука создала это новое благонамеренное произведение?

Вот что пишут нам по этому поводу:

... «Обратная сторона такова: За Невской заставой, в селе Михаила Архангела (у чугунного зав.), проживает некто Пруссаков, колпинский мещанин, человек без определенных занятий и, по отзывам одних рабочих, лично известный ген. Богдановичу и получающий от него места и занятия, а по отзывам других — просто сыщик. Этот-то Пруссаков и затеял поднести адрес и хлеб-соль генералу, собирая подписи под адресом в волостном правлении. При этом все расходы, как-то: покупка блюда, полотенца и пр. принадлежностей адреса, были взяты на себя Пруссаковым, так что рабочие, участвовавшие в поднесении, говорят, что удовольствие пообедать у генерала обошлось им всего в шесть копеек на проезд по конке.

«Под адресом собрано немногим более ста подписей, причем рабочих очень ограниченное число, да все более безграмотные старцы и трактирные завсегдатаи, остальные подписавшиеся — принадлежат к мелкой буржуазии тракта. Молодые и более сознательные рабочие теперь поднимают подписавшихся на смех».

Недостаточно поднимать на смех вольных и невольных участников этой глупой комедии: следует пользоваться ею для того, чтобы разоблачать полное ничтожество и нравственное бессилие тех, кто мошеннически злоупотребляет именем рабочих.

Смоленск. Мутные волны кишиневских событий дошли и подняли не малую тревогу среди здешнего еврейского и отчасти русского населения. Полиция в виду приближения майских дней решила играть на два фронта: среди еврейской буржуазии распускала слух о готовящемся со стороны русских рабочих еврейском погроме, требуя откупа за жизнь и имущество евреев. В русском же населении усердно распускались слухи о том, что евреи-богачи организуют целый отряд евреев, который подожжет город с трех сторон и, не дожидаясь погрома, бросится на грабеж и убийство среди русских. Но во всех этих слухах роль кровожадного чудовища неизменно играет пролетариат — русский или еврейский — безразлично. Так под прикрытием невежества и крайней трусости обывателя слуги самодержавия стараются выставить грабителем мирно настроенный пролетариат, ищущий только света и правды. Для таких мест, как Смоленск, который находится вне

черты еврейской оседлости, еврейское население является неиссякаемым источником дохода для властей всех чинов и цветов: право грабительства евреев получило здесь довольно точную оценку. В этом отношении наглость и бесстыдство полиции и администрации никогда еще не доходили до таких размеров, как при теперешнем губернаторе—Звегинцове. Этот гусь при первом же своем появлении здесь (в 1902 г.) высказал классическое изречение: в этом городе с 15-тысячным еврейским населением каждый полицейский чин может завести себе тройку, а на одной лошади ездить стыдно! Нужно, напр., евреям построить синагогу (вблизи православного храма, что запрещено), — банкир Шварц под видом изящного молитвенника подносит Звегинцеву 15 тыс. руб. от имени еврейского общества; нужно вогнать в законный порядок незаконный (для городов вне черты оседлости) коробочный сбор с бедноты, — банкир опять подносит мзду; нужно, чтобы полиция защитила евреев от погрома (а кстати и попугала пролетариев-социалистов!), — депутация с тем же банкиром во главе тащит еще (500 руб.) и т. д. без конца. Низшей братии, конечно, тоже дать можно, а не то самодержавие останется, пожалуй, без защитников!

Майский праздник прошел здесь не особенно благополучно для пролетариев. 26 апреля, когда часть (чел. 80) рабочих возвращалась с первомайской сходки, на них напал заранее приготовленный отряд солдат и полицейских. Большая часть оцепленных состояла из женщин, поэтому прорвать цепь и разбежаться не решалась, так как, вероятно, часть женщин все-таки осталась бы в руках стражи, пришлось итти всем в участок. После многих мытарств и издевательств все арестованные отправлены были в тюрьму. Многих жандармы таскали на допрос, но особенного успеха в этом отношении не имели. Наиболее интересен финал этой истории, именно речь жандармского генерала Громыки, которую рабочие, даже стоя перед генералом, не могли слушать без улыбки. Суть ее такова: «Я знаю, что вы хотели меня видеть для того, чтобы спросить, скоро ли я вас выпущу из тюрьмы. Много между вами есть совсем безвинных, и сами они не пошли бы против государя, да другие их побудили к тому. Я знаю, что к вам сюда понаехало много евреев и русских из других городов праздновать первое мая. Но что толку вам из этого первого мая? Знаете, когда мальчик шалит, то ему в первый раз скажут: „Ванька, не шали!", во второй — за ухо: „Ванька, не шали!", а в третий — розгой высекут. Разве и с вами так поступить? Да подумали ли вы о том, какая смута и раздор начнутся, если перестанут признавать царя? Пока мужика держат в ежовых рукавицах, то он и хорош, и почтителен, и подати платит исправно, а попробуй только пустить его на свободу, — он и пойдет тогда ломать и коверкать, как вот в Кишиневе. То же и с евреями: слов нет, они и трудолюбивы, и коммерцией умеют заниматься; они могут быть очень полезны для русских, но только тогда, когда их в кулаке держать! Что же мне делать с вами? Высек бы я вас, да жаль, что прошел тот век, когда можно было попотчивать розгами. Сослать в Сибирь? — так и та даже переполнена, да и там говорят: присылайте нам честных, а таких не надо. Послать на Сахалин? — там полно каторжниками. Остается только одно: привести к Ледовитому океану, посадить всех на льдину, да и пустить к чортовой матери! Ну, что же вы молчите? Каждому, небось, хочется получать по четыре рубля в сутки, да ведь этого нельзя! Ведь если попробовать отдать в ваше распоряжение завод или фабрику, то на другой же день начнется такая вражда, ссора и драка, что все прахом пойдет. Вы знаете... что когда Христос ходил по земле, то проповедывал... мм... мм... ну, правду, проповедывал любить... мм... мм... ну, ближнего своего, предсказывал, что не могут быть все равны между собой, а будут и больные и здоровые и бедные и богатые... вот и вы должны жить честно и не слушать своих врагов... Вы знаете, что государю стоит только сказать: миллион солдат — сюда! стой здесь! миллион солдат — туда! стой там!.. А впрочем, что я вам все это рассказываю? Я вижу, вы улыбаетесь, и мои слова к вам, что горох к стенке, не пристают».

На этом замечательная речь была прервана, и генерал после нескольких распоряжений удалился.

В тюрьме осталось только несколько человек, а остальные в тот же день были выпущены.

Местный Комитет Росс. С.-Д. Раб. Партии в течение апреля месяца выпустил три листка: по поводу златоустовской бойни, первомайский и по поводу ареста рабочих; листки гектографированы и в каждом издании 150—200 экз.

Борьба с «крамолой» в средне-учебных заведениях. «Центр. Комитет Южно-Русской Группы Учащихся Средних Школ» публикует в своем «Летучем Листке» (№ 4, от 25 мая 1903 г.) целый ряд фактов, характеризующих тот «режим», который устанавливается в якобы «обновленной» средней школе.

«Вот перед нами забытый даже министрами, благодаря своей непроходимой глупости, инспектор народных училищ Донского округа, О. П. Тихонравов, являющийся в Ростовское н/Д. городское училище просвещать учеников в духе „престол-отечества": „Зачем вам серьезные книжки читать, от них только вреда больше вам будет. Да и вообще, если увидите где-нибудь прокламацию, то сверните ее в трубочку и несите к учителю, а он уже сам вам скажет, что вам нужно и что не нужно из нее знать".

«К ученикам старших классов Таганрогской мужской гимназии ее директор, Гусаковский, обратился с такой речью: „Вам не безызвестно, господа, что к 1 мая готовятся беспорядки. Я не советую вам принимать в них участия, так как вы еще молоды, можете себе испортить жизнь, а убеждения ваши могут измениться. Даже такой революционер, как Герцен, под конец жизни примирился с самодержавием (?!!) и со многими фактами русской действительности, против которых боролся всю жизнь!"».

«Увещания» не помогают, и начальство переходит к мерам репрессии. Когда в Ростове н/Д. распространились слухи, что 14 мая будет демонстрация, директор среднетехнического училища Прасолов после молебна в училище «запер все двери на ключ и не выпускал учеников до 12 час. дня, чем заставил их уйти... через окно».

Начальница Мариупольской женской гимназии перед 1 мая советовала «даже в аптеку без разрешения не ходить». В том же Мариуполе «исключили за неделю до экзаменев двух гимназистов 8 класса за то только, что о них по городу идут слухи о „неблагонадежности"». Мало того: чтобы устранить «вредное влияние», заставили уйти из гимназии сестру одного из уволенных гимназистов и двух учеников 7 класса за то, что они «водятся с жидами».

«Летучий Листок» упоминает о целом ряде жертв этого режима «сердечного попечения». Здесь и самоубийства юношей, затравленных начальством, и нравственное убийство 16-летней гимназистки (в Ростове), которую жандармский ротмистр Карпов и его жена вынудили назвать имя товарища, давшего ей прокламацию, с которой она была арестована.

«Лет. Листок» констатирует, что «везде, где только заметны хоть проблески движения в рабочем классе, этом передовом борце за свободу, тотчас же начинается брожение среди учащихся, всегда отзывчивых на все лучшие, идеальные стремления своего времени».

7 июня Центральный Комитет издал воззвание «К учащимся выпуска 1903 г.», в котором раз'ясняет бесполезность «легальной» работы и зовет к революционной борьбе под знаменем социал-демократии.

ИЗ ДЕРЕВНИ.

Демонстрации в деревне. (Письмо рабочего из Тверского уезда.) 15 мая в с. Пречистом-Бору, Первитинской волости, бывает ярмарка, куда собирается крестьянская и фабричная молодежь для гулянья. Часа в два пополудни, в самый разгар гулянья, нашлась кучка крестьянской молодежи, которая запела революционную песню «Дубинушку» и тем привлекла большую толпу. Дело происходило на берегу р. Тверцы. Но вот из толпы послышался голос: «в село, в село!», и толпа, приблизительно около 200 чел., тесно-сплоченною стеною с разгоряченными лицами

и бодрым настроением отправилась туда. Шествие продолжалось восемь минут. Когда пропели «Дубинушку», то прокричали «долой царя!», и дружным эхом по окрестностям разливалось ура. Это шествие происходило на глазах урядника Лаврова, но из боязни, чтобы ему не попало колотушек, он не посмел унимать шествующую толпу. По этому поводу начались розыски лиц, руководивших толпой. Урядник 23 мая приехал в дер. Носово и допрашивал крестьян. Но те ему ответили, что ребят на ярмарке было много, — «мы не знаем, кто тут руководствовал». И в этот же день допрашивали в Пречистом-Бору четверых ребят: Ивана Иванова, Павла Екимова, Матвея Ефимова, Сергея Васильева, но те ответили то же самое, что и носовские мужики. При допросе участвовали попы Сергей Раевский и Иван Думашев, они показывали на тех ребят, которых совершенно не было. Духовенство совсем завралось. 28 мая приехал в Пречистый-Бор жанд. полковник Устинов и опять допрашивал этих же ребят, ничего от них не добился и, не составивши протокола, уехал обратно.

26 мая в дер. Городне, Новинской волости, в праздник Духов день собралось ребят человек 70 для гульбы. Около 3 час. пополудни с общего согласия порешили пройти по деревне с красным платком, привязанным на длинную жердь, на котором было написано мелом: «долой царя!» Пропели хором «Дубинушку» и после каждого куплета выставляли требования: «Долой царя, да здравствует земский собор! долой царские казенки! долой помещиков!». Шествие продолжалось минут 15, настроение хорошее, веселое.

31 мая в дер. Поддубок, той же волости, ходили по деревне и пели «Варшавянку», рабочую «Марсельезу», «Дубинушку».

25 мая в дер. Троице, Первитинской волости, 80 чел. ребят прошли по деревне и пропели «Мирской ходок» и «Дубинушку». Настроение было очень хорошее. В местечке Федяеве, Никулинской волости, бывает ярмарка и собирается молодежь. И там — в присутствии урядника — человек сто пропели «Дубинушку».

Монахи в роли эксплоататоров и палачей. Воронеж. В Воронежском уезде, в шести верстах от ст. Графской Ю.-Вост. ж. д., находится Толшевский мужской монастырь. Кругом него разбросано несколько небольших деревень-«хуторов»: Желдаевка, Лукичевка, Енин и др., составляющих Мало-Приваловскую волость. В Желдаевке около 20 дворов и 180 душ. Все крестьяне малоземельные и нужда из ряду вон выходящая. В Лукачевке в трех полях приходится всего-на-всего по 9 саж. на душу земли. Почва для аграрных волнений, следовательно, благодарная. Еще весной начался спор между монастырем и Желдаевкой из-за луга сенокосного. Некогда на месте луга была непроходимая топь, находившаяся в общем пользовании крестьян и монастыря, но потом всеми правдами и неправдами присвоенная себе монахами. Приблизительно 30 мая крестьяне из Желдаевки без дальних разговоров всем миром начали косить спорный луг. На месте «бунта» немедленно явились земский начальник и становой; ставши прямо против косцов, они начали их убеждать в священности и неприкосновенности чужой собственности, особенно же монастырской, принадлежащей богу. Крестьяне молча и усердно продолжали косить, как будто ничего не слыша и не видя перед собой; начальство поневоле отступало перед ними до тех пор, пока не убедилось в бесплодности своей проповеди. Дали знать губернатору, тот сейчас же явился с ротой солдат, выстроившихся в каре вокруг продолжавших заниматься своим делом косцов. Гробовая и зловещая тишина была прервана градом непечатной брани со стороны губернатора, такой грубой, какой один очевидец никогда не слыхал даже в казарме. После этой комедии прогремело: «шапки долой!». В это время монахи привезли несколько возов заранее приготовленных розог. В передних рядах толпы крестьян лицом к лицу с губернатором очутился престарелый георгиевский кавалер со своим знаком отличия, болтавшимся на рубахе. На него прежде всего обрушился губернаторский гнев: от страшного удара кулаком несчастный старик очутился на земле и лишился зуба. Это послужило сигналом. Тотчас же засвистели розги. Подвергаемые истязанию крестьяне не издавали никаких криков. Присутствовавший по долгу службы при экзекуции, врач Куберский щупал пульс у впадавших в беспамятство жертв и поощрял палачей. Отнесся к своему долгу этот лжеинтеллигент вполне «добросовестно»: каждый из «бунтовщиков» получил по 50 ударов, а на месте экзекуции остался целый ворох какой-то красно-бурой мякины от измочалившихся о мужицкие спины прутьев. Однако, врач Куберский из'являет притязание на либерализм и гуманность за то, что освободил от экзекуции 4 человек: 3 стариков и одного больного. Всего подвергнуто порке 15 чел., т. е. почти все домохозяева Желдаевки, числом 20. Двоих арестовали. Скошенная крестьянами трава сгнила от дождей. Крестьянам нельзя убирать ее, а монахи боятся. Мужики, судя по слухам, порешили монастырь сжечь, а монахов выкурить. В виду этого в Желдаевке, кажется, поставлены на постой солдаты...

Из Имеретии и Мингрелии. Прошлогодние движения гурийских крестьян отразились на соседних имеретино-мингрельских крестьянах. Последние тоже потребовали понижения ренты и уничтожения лишних податей (драмовых денег) в пользу попов, а также привлечения дворян к участию в отбывании сельских натуральных повинностей: работы на сельских дорогах, несение караула при церкви и т. п. Требования крестьян взбудоражили дворян-землевладельцев, и они обратились к полицейским властям. Первым забастовало Ецерское сельское общество. К нему присоединились селения: Кулаши, Ганири, Цхениши, Чагани, Сачилао, Гезати и др. Вскоре в Ецери прибыл уездный начальник (Дадишкелиани) и, после наглой ругани и угроз по адресу крестьян, заарестовал 8 чел. из них; крестьяне все же не согласились на старые условия. Затем с Пасхи среди крестьян в огромном количестве были распространены прокламации. С другой стороны, Дадишкелиани после праздничных попоек набрался храбрости и приступил к систематическому усмирению, но встретил дружный отпор. Рассерженный князь арестовал несколько человек, а одного, осмелившегося возражать, приказал проучить нагайками. Ободренные всем этим, двое молодых дворян с оружием в руках насильно заставили нескольких крестьян работать на земле кн. Микеладзе, но какой-то незнакомец в бурке явился к работавшим крестьянам и потребовал от них не мешать общему делу. Те прекратили работу. В ту же ночь была подожжена кухня кн. Микеладзе, где погибли и быки. На следующий день уездный начальник созвал сходку, заарестовал несколько лиц и об'явил, что убытки от пожара, в количестве 300 руб. за кухню и 150 руб. за быка, будут взысканы с сельчан. Крестьяне заволновались и один ответил, что в таком случае каждый дворянин подожжет свою обветшалую кухню, если за это с крестьян будут взыскивать вдесятеро дороже. Раздраженный таким ответом, уездный начальник приказал стражникам избить смельчака.

Сенакский уездный начальник тоже не отстает от других. Вместе с сенакским приставом он заарестовал несколько человек в сел. Сачилао. На-днях ожидается кутаисский губернатор. Дворянские шпионы составили длинный список «неблагонадежных».

По деревням совершаются поджоги; землевладельцы подвергаются побоям. В Сачилао подожгли складочный магазин, кукурузник Дидия, побили дворянина Кордзая. По этому поводу уездный начальник снова заарестовал несколько человек, одного, между прочим, только за то, что тот выписывал газету. Составителям корреспонденции известно, что поджоги и побои совершаются людьми, не принадлежащими к организации. (Из Лист. «Пролетариата» № 1, изд. Кавк. Союза Р. С.-Д. Р. П.)

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Неограниченный произвол царит с разрешения царя-батюшки в Финляндии. Его верные слуги подвизаются здесь во славу самодержавия; они не останавливаются

ни перед каким преступлением ни перед каким насилием. В Финляндии уже сказываются различные печальные, хотя и естественные, последствия нового жандармского режима. Часть населения быстро деморализируется: среди финляндцев является уже не мало доносчиков, выдающих тех благородных патриотов, которые призывают своих сограждан к борьбе с беззакониями русского правительства и финляндских изменников. Благодаря доносу, весною было арестовано несколько «агитаторов», раз'яснявших призываемым к отбыванию воинской повинности преступность нового «закона» г. Куропаткина. Правительственным агентам удалось посредством самого грубого обмана даже соорудить два «крестьянских» адреса один с 697, другой с 365 подписями. Последний, доставленный выборгскому губернатору Мясоедову, является адресом-доносом, в котором указывается много принадлежащих к различным классам лиц, которые «агитировали», «оказывали сопротивление властям» и т. п. Первый же адрес, доставленный Бобрикову и обращенный к царю, является выражением верноподданнических чувств, общей жалобой («резким протестом») на «сопротивляющихся властям» и ходатайством об улучшении положения безземельных. Этот адрес был вызван одним карьеристом, магистром (кандидатом университета) Нупала, рассказавшим бедным торпарям (мелким арендаторам) небылицы о вскоре предстоящем наделе землей. Этот суб'ект не постыдился за свои «хлопоты» взять по 1 — 2 марки от каждого подписавшего адрес. Подобные люди торжествуют теперь, а еще более ликуют царские опричники, подкупающие доносчиков и карьеристов. Эти жалкие «адреса» невольно напоминают нам те два грандиозные адреса-протеста с более чем полмиллионом подписей, с которыми вся финская нация обращалась к Николаю II в 1899 и 1901 гг.

В Гельсингфорсе 10 июня (нов. ст.) в призывное присутствие явилось из 692 призываемых 267 человек, или 38½%. В этот день было арестовано в Гельсингфорсе несколько интеллигентных рабочих, распространявших оппозиционное воззвание к новобранцам. Вообще в этом году призывные присутствия в Финляндии действуют с значительным успехом, за который обрусители обязаны, главным образом, агитации старо-фенноманской партии. К этому вопросу мы вскоре вернемся в одной из ближайших статей.

Правительственная анархия и диктаторская власть обер-палача Финляндии Бобрикова явились причиной следующего трагического происшествия. 8 июня (нов. ст.) в Берлине застрелился 47 лет от роду д-р философии Ю. Люлю, один из самых видных представителей младо-фенноманской партии: он получил из дому в этот день известие о том, что ему запрещено возвращение на родину. Д-р Люлю давно уже подвергался гонениям со стороны обрусителей. Еще в начале разбойнического похода опричников на Финляндию была прекращена издаваемая им в Выборге на финском языке демократическая газета. До самой смерти он состоял преподавателем в Выборгском реальном лицее; в Берлине покойный занимался эту зиму в психологическом институте, готовясь к профессорской деятельности в Гельсингфорсском университете. Во время его отсутствия в его квартире был произведен четыре раза обыск. Все эти события произвели угнетающее впечатление на д-ра Люлю, лишившего, наконец, себя жизни. Он в течение многих лет был председателем выборгского рабочего союза. «Финляндская Газета» благоразумно умолчала о смерти этого выдающегося финляндского гражданина и патриота.

Кроме упомянутых нами в прошлой статье социалистических демонстраций 1 июня (нов. ст.) в разных городах Финляндии, в этот день происходили рабочие демонстрации в гг. Вазе, Тавастгусе, Кристинентаде и др. Словом, финские рабочие превосходно отпраздновали свой рабочий праздник. «Фин. Газ.» и об этих даже разрешенных демонстрациях не заикнулась. Вообще она постоянно преспокойно замалчивает всякие неудобные для себя события, часто сочиняет зато она разные небылицы о небывалых вещах.

4/17 июня 1903 г. *[В. М. Смирнов]*

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Николаев. Только что закончилась здесь забастовка на двух крупнейших заводах: «Французском» и Черноморском, охватившая более 5.000 чел. и замечательная не столько по своим непосредственным экономическим результатам, сколько по обстоятельствам, сопутствовавшим ей, и по условиям, при которых она происходила. Тут мы встречаемся с редкой стойкостью, выдержанностью и единодушием рабочих, присутствуем на громадных собраниях, на которых произносятся рабочими содержательные речи, широко освещающие значение происходящего; встречаемся, наконец, с небывалым, чисто парламентским отношением к рабочим со стороны предпринимателей и начальствующих лиц, — явлением, свидетельствующим, что в рабочих признают силу, с которой приходится считаться.

Перехожу к фактам. 22 мая рабочему Крыжановскому, работавшему в механической мастерской «Французского» судостроительного завода, предложено было получить расчет за прогул одного дня. Услышав это от табельщика, Крыжановский отправился к инженеру Генкелю, начальнику мастерской, находившемуся тут же в мастерской, за об'яснениями. На вопросы Крыжановского Генкель отвечал площадной руганью, и дело дошло до того, что рабочий дал инженеру пощечину. Последний, выхватив из кармана револьвер, погнался за Крыжановским и выстрелил, но промахнулся, а споткнувшийся Крыжановский упал. Все это произошло так быстро, что рабочие обратили внимание на Крыжановского лишь тогда, когда тот поднялся и стал возмущаться: «Ах, негодяй! за одну оплеуху—стрелять!»* Когда удалившийся в контору Генкель увидел снова Крыжановского целым и невридимым, он опять погнался за ним с револьвером в руках. Но тут ему преградила путь кучка рабочих, которые бросились к нему с криком: «Бей мерзавца, который осмеливается стрелять в своих рабочих». Боясь серьезного оборота дела, Генкель бросился бежать и едва успел юркнуть в контору, как в догонку ему был пущен слесарный молоток. Быстро разнесся слух о случившемся, и вся механическая мастерская, как один человек, бросила работу и отправилась в контору требовать фабричного инспектора, прокурора и градоначальника. Через полчаса здесь были уже товарищ прокурора, судебный следователь, полицмейстер, градоначальник и друг. Вся эта компания, окруженная густой толпой рабочих, уселась во дворе завода, где думала приступить к следствию. Вдруг раскрываются ворота, и во двор

* Рабочими не был услышан выстрел за страшным грохотом в механической мастерской.

в'езжает фабричный инспектор в сопровождении шести конных городовых. Рабочие заволновались и потребовали немедленного удаления полицейских: «Здесь не воры, можете убраться туда, откуда явились!..» Градоначальник сейчас же велел удалить городовых. Затем, в виду начавшегося дождя, все общество (начальство и рабочие) отправилось в столовую, где и началось следствие. Тут на допросах рабочие вскрыли не одну язву, которыми так богата их жизнь. На следующее утро на заводе появились листки за подписью Николаевского Комитета Росс. С.-Д. Раб. Партии в количестве 900 штук, приглашавшие к забастовке и выставлявшие 14 требований: 1) удаления Генкеля, 2) оставления на заводе Крыжановского, 3) отмены оскорбительных и позорящих человеческое достоинство обысков, 4) отмены штрафов за опоздание, 5) отмены принудительных (путем угрозы расчетом и пр.) сверхурочных работ, 6) отмены принудительного участия в устроенной заводом кассе.

Механическая мастерская не приступила к работе, остальные ждали сигнала, и, как только он был дан, на всем заводе работа была прекращена. С этого, 23-го, числа рабочими всего «Французского» завода переживалось в продолжение нескольких дней редкое восторженное настроение. Они хоть и недолго, а все же пользовались свободой собраний, свободой слова и, пожалуй, свободой печати, так как во дворе завода собирались тысячами рабочие, произносились воодушевляющие речи, читались во всеуслышание и передавались на глазах у всего начальства сотни листков. Даже директору, на вопрос, чего рабочие хотят, был преподнесен отпечатанный листок с требованиями. Прибывший градоначальник предложил выбрать постоянных старост, согласно новому закону (о проекте которого сообщалось в газете), для улаживания «недоразумений». На следующий день, 24 мая, рабочие, воспользовавшись вчерашним предложением градоначальника, решили немедленно приступить к выбору старост (по два от каждой мастерской и по два кандидата к ним, всего человек 30). Выбранные тут же были представлены всем рабочим и некоторые из них произносили перед толпою в три-четыре тысячи человек речи на тему о значении старост при теперешнем нашем политическом режиме, о том, что при отсутствии свободы собрания, слова, печати, союзов, стачек значение их сводится к нулю и при нашем бесправии такие выборы являются только новой ловушкой для более сознательных и развитых рабочих. Когда директору были пред'явлены перечисленные в листках требования, дополненные некоторыми, на месте выработанными, он быстро разгруппировал их на три категории (моральные, экономические и личные) и на некоторые из них сейчас же обещал дать удовлетворение, насчет других обещал подумать, а об остальных не хотел и слушать, при этом наговорил много слащавых речей на тему о гармонии интересов: он-де хлопотал о рабочих, ездил в Петербург, клянчил, клянчил, выклянчил заказы — и вдруг такая благодарность. Рабочие ему ответили, что им дела нет до того, что он выклянчил, они для себя требуют. Узнав о происшедшем на «Французском» заводе, рабочие Черноморского завода (около 2.000 человек) тоже забастовали и пред'явили свои требования, у них тоже появился спрос на листки, которые в виду наступивших праздников (25, 26, 27 мая) были выпущены 28 мая. Одновременно с этим была выпущена прокламация «Ко всем рабочим» (2.000 штук), выясняющая значение стачки и указывающая на то, что успешная борьба за улучшение своего положения и освобождение от ига капитализма возможны только при полной политической свободе. Тут же выставлялись об'единенные требования рабочих «Французского» и Черноморского заводов. 27 мая (не работали) в столовой завода было собрание старост с директором во главе. Обращение директора с старостами было, как выразился один, вежливо до нахальства. Тут обсуждались все пункты требований, происходил живой обмен мнений. В результате директор согласился на следующее: 1) обыски отменяются, 2) по субботам работа до двух часов с получасовым перерывом на завтрак и с платой за целый день, 3) начальникам, мастерам и бригадирам вменяется в обязанность безусловно вежливое обращение со всеми рабочими, 4) за сверхурочное рабочее время, в противность установившемуся порядку, полуторная плата, 5) принудительное вступление в кассу отменяется, а вступившие могут в течение месяца выступить и др. Относительно Генкеля и Крыжановского директор заявил, что они не будут на заводе до суда, но плату будут получать, а там он посмотрит. Совсем неудовлетворенными остались требования: 1) повышение платы на 20%, 2) отмена штрафов за опоздание, 3) сокращение рабочего дня накануне праздников (кроме субботы) до двух часов и некоторые другие более мелкие. Когда в среду 28 мая рабочим «Французского» завода были пред'явлены результаты переговоров, они единодушно решили продолжать забастовку; то же на Черноморском заводе. На «Французском» заводе между тем были вывешены громадные печатные афиши, в которых «во избежание недоразумений» директор об'являл о сделанных уступках. Такие же афиши были выданы старостам в четверг 29 мая. Перед «Французским» заводом собрались рабочие «Французского» и Черноморского заводов, которые вместе с посторонней публикой составили толпу тысяч в 8 человек. Тут опять горячо обсуждался вопрос о забастовке, рисовались те бедствия, которые ждут рабочих при продолжительной забастовке, и тем не менее они твердо стояли на продолжении стачки, и если бы рабочие тут же разошлись, то при под'еме духа, который тут проявился, победа была бы, несомненно, гораздо полнее. Но тут дело приняло следующий оборот. Рабочие соглашались на некоторые уступки вроде того, чтобы повысить плату не всем рабочим, а, так сказать прогрессивно, обратно-пропорционально получаемой плате, получающим же выше 1 р. 50 к. оставить плату без изменения, и некоторые другие. Дальше же этих уступок старостам предписывалось не итти. Директор «Франц.» завода отказался дать что-либо, кроме того, что он уже дал, а директор Черноморского завода даже не принял старост. Тогда старосты, получающие хорошую плату (незаинтересованные в продолжении стачки и составляющие среди старост громадное большинство), стали вести закулисную агитацию за прекращение забастовки; и для того, чтобы вернее добиться своей цели, они постарались освободить рабочих от возбуждающего действия массовых собраний и от влияния немногих ораторов, поддерживавших настроение рабочих, разбив их по цехам, где рабочие подпали почти под их исключительное влияние. Таким образом им удалось добиться прекращения забастовки на «Французском» заводе. Рабочие Черноморского завода не соглашались прекратить забастовку. Тогда дирекция, воспользовавшись случаем, рассчитала всех рабочих (там теперь дела плохие), и после обратного приема 150 человек осталось за штатом. На «Французском» заводе рабочие недовольны большинством своих старост, оказавшихся не на высоте своего и без того невысокого положения; рабочие окрестили их «экономистами», благодаря которым рабочие Черноморского завода остались без поддержки.

Описанная стачка — первая крупная сознательно проведенная стачка в Николаеве. Она, несомненно, будет иметь громадное воспитательное значение для николаевских рабочих. За эти несколько стачечных дней политическое и классовое самосознание рабочих поднялось больше, чем это достигается за год агитацией. Воспитательное влияние ее, несомненно, не меньше влияния удачной демонстрации. Более всего приятно поражает выдержанность рабочих. Когда два рассчитанных (до этого) пьяных мастеровых побили мастера, то этот факт вызвал всеобщий протест. Когда разнесся слух, что к заводу идут солдаты, рабочие страшно переполошились, и некоторые старосты заявили директору, что, взявшись руководить массой, они слагают с себя всякую ответственность, как только на заводе появится хоть один солдат. Директор, пораженный выдержанностью рабочих, в увлечении крикнул: «Если солдаты явятся, я стану среди вас». Мы не ручаемся, конечно, что он исполнил бы свое обещание в критический момент; но это его увлечение показывает, в какой психической атмосфере он находился. В некоторых случаях во время речей дело почти доходило до криков: «долой такого-то старосту», который слишком усердно проявлял свою наклонность к экономизму. В одном цехе рабочие заявили старосте: «Нам надо выбрать другого ста-

росту — ты экономист, а староста должен быть политиком». Несмотря на любезность и парламентаризм градоначальника, в городе везде были наготове войска. Стачка оказала свое отраженное действие на другие заводы. Так, на заводе земледельческих орудий братьев Донских рабочие потребовали шабаша по субботам в два часа и немедленно получили удовлетворение. Брожение было и в мастерских военного порта и на заводе Уманского. Комитет не мог развить свою деятельность шире в виду того, что в типографии случилась заминка. Так, например, была приготовлена прокламация, всесторонне раз'ясняющая значение старост, но она, к великому сожалению, по независящим от Комитета обстоятельствам, не была напечатана. Весь город в эти дни только и говорил что о стачке. На бульварах, на улицах можно было услышать обсуждение, комментарии, искажения; создавались целые легенды... Среди рабочих сильно возрос спрос на литературу.

1 июня 1903 г.

Убийство шпиона. 1 мая за Нарвской заставой в Петербурге состоялось собрание 100 организованных рабочих, на которое проник шпион. Узнав об этом, рабочие тут же об'явили, что если участники собрания будут арестовываться, шпион будет убит. Вскоре после этого несколько человек была арестовано по обвинению в том, что участвовали на сходке. 26 мая шпион был найден убитым на глухой улице. Негодяю нанесено семь колотых ран. В момент убийства шпион имел в кармане приказ об аресте двух рабочих, за которыми он, повидимому, следил. Фамилия шпиона — Тулин.

Петербург. Неудачная забастовка максвелевских рабочих. (Спасская и Петровская мануфактуры.) Письмо рабочего.

У нас еще до 1 мая стали поговаривать о трехдневном гулянии в память 200-летия Петербурга. 14 мая на фабрике было об'явлено, что 16 мая не будет работы и нам заплатят дневной заработок. Конечно, рабочие были и этому рады. Но 21 мая нам роздали наши рабочие книжки, и мы увидали, что плата поставлена только в ¾ дневного заработка для большинства рабочих, а для слесарей — и того меньше (вместо 1 р. 80 коп. и 2 р. 50 к.—всего по рублю). Мы высчитали, что управляющий Фома Романов при таком расчете ограбил нас тысячи на полторы рублей. Некоторые мюльщики и ватерщики пошли к управляющему и стали говорить, что он поступил подло, и требовали еще прибавки. Но Фома Романов послал их «к чорту», а некоторых и в шею вытолкал. 23 мая человек 40 мюльщиков на Спасской мануфактуре бросило работу после обеда. Когда завертелась паровая, они стали бегать по этажам и кричали, чтобы не работали. Работа остановилась. Сознательных рабочих было мало и большинство бросало работу только потому, что мюльщики грозили порвать основу, если будут работать. Более смелые люди вышли во двор и стали кричать, что надо итти на другую (Петровскую) фабрику. Нашлось таких смельчаков немного: человек 40 мюльщиков, 10 женщин и девушек и человек 20 ткачей. На Петровской ничего не знали о нашей забастовке. Пришедших было слишком мало и они не могли остановить фабрику, как было в третьем году. Явилась полиция, стала сперва уговаривать нас, чтобы мы ушли на свою фабрику и работали, а когда мы не послушались, фабричный околоточный стал ругаться и даже ударил своей «селедкой» одного рабочего. Мы позвали петровских рабочих на свою фабрику, но никто не пошел за нами. Вернулись к себе, а у нас уже старший фабричный инспектор с помощником. Стал спрашивать, что нам нужно. Рабочие закричали: «долой управляющего» и еще многое кричали, но ничего нельзя было разобрать: кричали все вместе. Инспектор стал просить, чтобы мы выбрали нескольких депутатов для заявления требований. На это рабочие закричали: «Знаем мы вас — не в первый раз! Потом вы этим депутатам рот закроете, заберете!» Видит инспектор, что рабочие не глупы, и просит нас стать по группам: ткачей, прядильщиков и т. д. Рабочие выполнили это, и он стал опрашивать по отдельным группам, почему не работают. Ткачи указали на невыдачу сполна платы за 16 мая; на то, что основа и уток худые, шлихтуют худо старым станком, плохое освещение на фабрике и грубое обращение со стороны подмастерьев, словом, требуют того, без чего нельзя хорошо работать. И что ж? нас сосчитали за бунтовщиков, пригнали полицию! Все рабочие требовали увольнения управляющего; ватерщики просили лучшей пряжи и увеличения расценок. Инспектор сказал, что даст ответ 31 мая. Рабочие все-таки в этот день на работу не пошли, но на второй день возобновили работу, решив дожидаться 31 мая (суббота). В этот день на фабрике вывесили об'явление, что требования не будут исполнены. С понедельника (2 июня) все рабочие бросили работу, причем этот раз петровские начали. В этот день на фабрику приехал помощник инспектора, но его послали к чорту и обозвали трубочистом. Стачка длилась до четверга (5 июня). В этот день часть рабочих работала до обеда, так как был об'явлен расчет тем, кто не станет на работу в этот день. После обеда всех — работавших и неработавших — вызвали на фабричный двор, где собралось много полиции. Полиция погнала нас на работу, грозя расчетом всем, кто на это не согласится. В 5 часов все пошли на работу на старых условиях.

С.-Петербург. 22 марта начальник Варшавских железнодорожных мастерских, Копьев, пригласил в свой кабинет нескольких рабочих и об'явил им, что, желая увеличить штат рабочих, он не может давать более 30% (вместо прежних 90%) на рубль к цеховому жалованью, и при этом напомнил рабочим, что в настоящее время в Петербурге находится масса безработных... Рабочие ответили, что они только в том случае согласятся на понижение процентной платы, если цеховая будет повышена до 1 руб. 60 коп. (вместо прежних 1 руб. 20 коп.). Копьев, конечно, отклонил это условие, заявив, что больше 1 руб. 10 коп. — 1 руб. 20 коп. по цеху он платить не будет. В три часа дня во всех мастерских были вывешены об'явления о понижении платы наполовину; рабочие немедленно бросили работу, отказавшись принять новые условия. Первой остановилась отделочная мастерская, где большей частью работают мужчины; ворвавшись в другие мастерские, они остановили всю работу. Немедленно была вызвана полусотня казаков, которые беспощадно избивали рабочих нагайками... На следующий день рабочие пришли на завод, но за работу никто не принимался. Приехал фабричный инспектор и рабочие об'явили ему свои требования: сохранение прежних расценок и уменьшение рабочего дня. Инспектор грубо ответил рабочим, что требования их не будут удовлетворены, и увещевал приняться за работу. «Все равно не будет по-вашему», — говорил этот чиновник. «Нет, по-вашему не будет»,—ответили ему рабочие. Между тем озлобление рабочих достигло крайнего предела и, когда женщины, под влиянием инспектора, хотели было взяться за работу, рабочие бросились на них с криком «ура!» и сильно избили (около десяти раненых). Та же участь постигла и мастеров, которые издевались над рабочими и угрожали, что, если рабочие не возьмутся за работу по указанным в об'явлении расценкам, то они примут иностранцев. По приказу градоначальника было предложено получить расчет, но рабочие отказались его принять. Тогда приехал сам Клейгельс, расспрашивал рабочих об их недовольстве и обещал рассмотреть расценки. Во время стачки приходилось поддерживать только стариков, молодые же отказались от помощи.

Поправка. В № 32 «Искры», в статье «Неудачный дебют», в списке зубатовских агентов указан рабочий Егоров. Нами получено сообщение, что рабочий Егоров никогда зубатовцем не был и в настоящее время сидит в Выборгской тюрьме по делу Петербургского Комитета.

Кострома. О здешних майских событиях мы уже сообщали в № 42. Кое-какие новые сведения заимствуем из доставленного нам письма.

Последовавшие за демонстрацией 8 мая аресты и упорство хозяев окончательно взбесили рабочих. В конце-кон-

цов толпа 20-го вечером бросилась ломать забор и разбивать квартиры директора и других представителей фабричной администрации. Разгром, говорят, произведен страшный: выбили стекла, высадили рамы и двери, разбили всю мебель и т. д. Грабежа не было: рабочие ничем не хотели воспользоваться, но зато ничего не захотели оставить и фабрикантам. Озлобление страшное. Фабричных корпусов, машин и вообще ничего другого, кроме жилых квартир, не тронули. Администрация фабрики хотела бежать из города, но ее полиция до расчета с рабочими не выпустила и принудила переселиться в гостиницу. Для усмирения «бунта» были вызваны войска. (Надо заметить, что оба батальона уже ушли в лагерь, и в городе в тот день оставалось уже очень мало солдат. Гулявшие в тот вечер на бульваре наблюдали такую сцену. Музыка неожиданно оборвалась на какой-то пьесе и музыканты опрометью бросились бежать с эстрады; оказалось, что они получили приказ немедленно стать под ружье и итти к фабрикам.) Сначала пугали толпу холостыми залпами, затем, когда раздались возгласы, что солдатам не приказано убивать, что они не имеют права и т. д., было произведено несколько боевых выстрелов, которые и рассеяли толпу. Многих ранили. Упорно держатся слухи о 10 убитых, но администрация тщательно скрывает трупы... Затем разгромы и стычки с войсками повторялись в два следующие дня, главным образом по вечерам, после смены. Толпа уже стала отбиваться от солдат * камнями (разобрали мостовую на Солдатской улице), кольями и т. п. В толпе была масса рабочих и с других фабрик, кроме бельгийской. Рабочих охватило страшное одушевление и, как только кончилась смена, они целыми толпами бежали к «бельгийке». Останавливавшим обыкновенно отвечали: «там льется кровь, там наших братьев убивают!» Конечно, эти разгромы имели своим последствием массовые аресты. Дело, вероятно, будет разбираться, как уголовное, в судебной палате. Теперь, кажется, стало спокойнее, но работа на бельгийке еще не возобновилась. Попечительство о домах трудолюбия открыло временную столовую для безработных. До этого нужда и голод были страшные. Общество отзывалось туго, да и нельзя было сноситься с районом, оцепленным войсками. Всякого постороннего, появлявшегося на улице, немедленно забирали.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ В ГЕРМАНИИ.

На только что окончившихся выборах в германский рейхстаг соц.-дем. выставили своих кандидатов в 395 округах из всех 397. Во многих округах все буржуазные партии об'единились, выставив общего кандидата против соц.-дем.: так было дело во всех 23 округах королевства Саксонии, наиболее промышленной части Германии, где борьба с социал-демократами уже давно велась не на жизнь, а на смерть, и где на прошлых выборах соц.-дем. завоевали уже 11 округов; реакция в Саксонии вытеснила соц.-дем. из ландтага (местного парламента), введя избирательное право, ограничивающее права рабочего класса, и во время предвыборной агитации воздвигла настоящее гонение на соц.-дем. Собрания запрещались полицией по самым незаконным поводам, залы для собраний во многих местностях должны были браться социал-демократами буквально с боя, правда, некровопролитного; так, в Лейпциге рабочие должны были прибегнуть к многодневному бойкоту пива всех ресторанов, имеющих залы для собраний, и лишь после этого им удалось добиться разрешения получить залы для собраний; и это в больших городах! В маленьких и в деревнях соц.-дем. приходилось собираться под открытым небом, и то часто полиция запрещала собрания под тем предлогом, что малолетние, якобы, могут подслушать (по закону малолетние не могут присутствовать на политических собраниях). В 11 и 14 саксонских округах, где борьба велась особенно ожесточенно, было запрещено 33 соц.-дем. собрания.

Сильное агитационное значение имело особенно одно собрание в Саксонии, на котором должен был говорить депутат Гериш в каком-то местечке вблизи австрийской границы и богемских лесов; залы для собрания нельзя было достать во всей окрестности, народ собрался под открытым небом на пустом куске земли, но явившаяся жандармерия не допустила собрания, опираясь на закон о малолетних; раздраженные массы стали уже расходиться, как вдруг кому-то пришла в голову счастливая мысль итти к австрийской границе. С Геришем во главе двинулись все в Австрию — кустари, рабочие, крестьяне примыкали по дороге к невиданному зрелищу: собранию свободных граждан, бегущих за границу, чтобы иметь возможность воспользоваться правом, предоставленным конституцией. На границе, приветствованной криками ура, остановились, подождали отставших и отправились в лес; уселись во мху, и Гериш с большого камня громил в полуторачасовой речи реакцию в Германии; конец собрания был высоко-драматичен: все участники поднялись и клялись положить все свои силы в борьбе за рабочее дело. Саксонская жандармерия последовала за шествием, но держалась во время речи на почтительном расстоянии, не смея распоряжаться на чужой территории. Реакционеры имели в своем распоряжении и весь правительственный механизм; чиновники употребляли все средства влияния на избирателей; так, один губернатор в Саксонии приглашал особым оповещением всех желающих выбрать консерватора на совещание; кто не являлся, считался врагом отечества и заподозривался в сочувствии «красным»; фабриканты в некоторых местностях заставляли своих рабочих под угрозой отказа от работы обещать голосовать за кандидата буржуазных партий. В распространяемых летучих листках буржуазные партии не жалели самых нелепых клевет и обвинений для соц.-дем. Брошюры против соц.-дем., составленные в большинстве случаев писателями «свободомыслящей народной партии» при ближайшем участии ее вождя Рихтера и наполненные самыми идиотскими извращениями соц.-дем. учения, принимались с радостью всеми реакционными партиями; на распространение их в народе в сотнях тысячах экземпляров употреблялись даже и правительственные деньги; от Рихтера, некогда грозы реакции, были в восторте все реакционеры. Социал-демократы не остались в долгу: на каждую брошюру они отвечали брошюрой, партийная типография была буквально завалена работой, благо денег на предвыборную агитацию имелось вдоволь: несколько сот тысяч марок было пожертвовано рабочим классом Германии на эту борьбу, были взносы и из других стран: бельгийская партия, помня братскую помощь германских рабочих во время всеобщей стачки в Бельгии, устроила по всей стране празднества и отсылала вырученные деньги на борьбу в Германию; из Америки, Голландии, Швейцарии, России (редакции «Искры» и О. К.) тоже были взносы. Работали соц.-дем.

* Спешно вызвали из Ярославля весь батальон.

славно: начиная с Бебеля и Зингера, всех кандидатов и журналистов партии и кончая массовыми рабочими, распространявшими в миллионах экземпляров летучие листки, работали все, не покладая рук. Бебель — 62-летний старик — был вездесущ: сегодня он в Саксонии и говорит в один вечер на трех собраниях в Мееране, завтра около Хемница на поле перед собранием в 8.000 человек, потом мы его встречаем на Рейне в округах, являющихся издавна самым крепким оплотом центра; вот он в Крефельде, и зала ломится от дотоле неслыханного числа слушателей; вот он в Эссене на фабриках Круппа встречается и провожается восторженными криками толп народа, в Эссене, где коронованный агитатор, оказывающий социал-демократам такие услуги своими речами, Вильгельм произнес свою знаменитую речь, обвиняя социал-демократов в убийстве Круппа и призывая рабочих порвать с этими «жалкими людьми», недостойными носить имя германцев. Но не одними Бебелями сильна партия, она сильна стоящими за ней массами, строгой дисциплиной, организованностью, высоким идеализмом, царящим в массах, верой в близкую неизбежную победу, скромными работниками, выносящими с радостью все лишения, все оскорбления и гонения ради партии. Вот скромный распространитель листков: сегодня его арестуют и судят за, якобы, незаконное занятие промыслом в воскресенье, завтра крестьяне, сагитированные центровским попом, гонят его из деревни вилами и дубьем; вот в Данциге толпа католиков, выходя в воскресенье из церкви, избивает нескольких соц.-дем. чуть не до полусмерти; вот крестьяне отнимают листки и даже скупают их в окрестностях и устраивают костер из них; вот выкинутые на мостовую фабрикантом рабочие, заподозренные в распространении листков, и так без конца! Католическое духовенство очень умело пользуется своим положением духовных отцов и наставников: здесь один из ксендзов спрашивает рабочего на исповеди, кого он думает выбрать, рабочий говорит: «социал-демократа», поп грозит ему всеми муками ада, грозит лишить причастия; в другом месте на исповеди допытывают жену рабочего, какие газеты получает муж; в третьем месте заявляется в проповеди, что все, голосующие не за центр, будут прокляты и отлучены от церкви; в Крефельде обещается прощение всех грехов в течение 200 дней всякому, читающему ежедневно по три раза «Отче наш» за победу над соц.-дем., и каждому, голосующему за центр. «Вперед» [11] ядовито замечает по этому поводу, что отпущение грехов действительно необходимо, ибо помощь центру является очень и очень тяжелым грехом. Здесь ксендз отказывает фабриканту в причастии, так как он дает работу заведомым соц.-дем.; там ксендз пишет письмо трактирщику, отдавшему зал для собрания рабочих, грозя бойкотом, и трактирщик, зная власть католического духовенства над населением, отказывает в зале. Ложь, клевета, зажимание рта противнику — самые лучшие средства борьбы с социал-демократами в глазах всех буржуазных партий: типография «Вперед» эксплоатирует рабочих, вожаки партии катаются как сыр в масле на трудовые деньги рабочих, Бебель приказал засыпать часть цюрихского озера и разводит себе там парк, соц.-дем., проповедуют общность жен, поощряют лень, разоряют крестьян, сгоняют плетьми рабочих к урнам для выбора — вот перлы клеветнического остроумия буржуазных партий. Буржуазная демократия, особенно часть ее, предводительствуемая Рихтером, не отставала от реакционеров, прибегая к борьбе с соц.-дем. лишь к подпольной агитации, избегая выступать открыто на собраниях против соц.-дем. ораторов и не допуская их говорить на своих собраниях. Саксонские свободомыслящие запретили одному соц.-дем. кандидату вход на свои собрания, мотивируя это невозможно резким способом выражений его; собрания свободомыслящих в Берлине, где велась ожесточенная борьба, особенно в пятом и первом округе, были в большинстве случаев закрыты для соц.-дем., а на соц.-дем. собраниях выступали в дискуссиях больше консерваторы, предпринявшие попытку отвоевать Берлин у соц.-дем., чем самая сильная в Берлине после соц.-дем. партия свободомыслящих. Рихтер, приглашенный письменно на одно из соц.-дем. собраний, ответил, что не желает делать собрание интересным и, кроме того, его личная честь не позволяет ему явиться в виду постоянных нападок на него со стороны соц.-дем. Автор брошюр, наполненных пошлыми выходками против соц.-дем., запрещает себе полемизировать с ними! Тартюфство в политике интернационально, и Рихтеру его не занимать стать у наших доморощенных ненавистников «нетоварищеских приемов полемики». В своем округе Рихтер приглашал на собрания лишь «интересующихся выборами г-на Рихтера»! И это бывший народный трибун, некогда заставлявший трепетать Бисмарка! [12] Страх перед победоносным пролетариатом делает реакционерами многих бывших революционеров.

[Свиягин]

ИЗ ПАРТИИ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

В последнем, 26-м, номере «Революционной России» автор статьи «Еще о критиках террористической тактики» * обиделся на «Искру» за ее утверждение, что партия соц.-революционеров до сих пор не заявила себя буквально ни одним коллективным действием. Автор обиделся и торопится уличить «Искру» во лжи: это, положим, не совсем верно, говорит он. Летописи демонстрационного движения и в Киеве, и в Одессе, и в Саратове и в некоторых других городах знают кое-что об участии соц.-революционеров в организации «коллективных действий».

Прочел я это место и подумал: вот новый повод для разных бородатых и безбородых младенцев составить коллективный протест против нетоварищеского приема полемики «Искры», против «Искры», так обижающей несчастных борцов за общее революционное дело. Подумал я это, но тут мне бросилось в глаза, что рядом с ссылкой на летописи Киева, Одессы и некоторых других городов фигурирует также и летопись г. Саратова.

В Саратове, насколько мне известно, революционная летопись зарегистрировала лишь одну, всем хорошо известную демонстрацию 5 мая 1902 г. Как демонстрация эта, так и подготовка к ней происходили на моих глазах. И вот я начал вспоминать это время, чтобы, наконец, убедиться, что клевещет «Искра» на бедную «Рев. Росс.». В моей памяти ясно выступают лица, говорившие речи на агитационных предмайских собраниях на «Зеленом Острове»; вспоминаются лица, готовившие знамена, лица, писавшие и редактировавшие прокламации и афиши, лица вырабатывавшие план кампании; вспоминаются и те, кто разбрасывал и расклеивал прокламации. И, как ни напрягаю свою память, я не могу

* К этой статье мы еще вернемся в следующем номере. Прим. ред.

припомнить, чтобы в числе всех этих лиц был бы хоть один соц.-революционер. Вспоминаю самый день 5 мая; вспоминаю пеший базар, кучки рассыпавшихся по площади организаторов; вспоминаю минуту, когда вдруг взвились знамена и собравшаяся вокруг них толпа с пением «Варшавянки» направилась к Немецкой ул.; вспоминаю героическую схватку домонстрантов с напавшими на них переодетыми и непереодетыми полицейскими и сыщиками. И опять в этой толпе, среди несших знамена, разбрасывающих прокламации, дерущихся с полицией, я при всем желании не могу припомнить ни одного соц.-революционера.

Наконец, вспоминаю суд, вспоминаю речи подсудимых и защитников. Как те, так и другие говорят о соц.-демокр., майской, рабочей демонстрации. Ни один из подсудимых, признавших на суде свое участие в демонстрации, не протестовал против заявления защитника Чубаровской—Вольценштейна, что его клиентка и ее товарищи социал-демократы.

И вот, вспомнив все это, я занялся разрешением следующей задачи: в числе демонстрантов, в числе устроителей и организаторов ее, в числе пострадавших за нее не было ни одного соц.-революционера; в чем же проявилось участие сих честных борцов «в коллективных действиях города Саратова»? Единственной отгадкой этой, казалось бы неразрешимой, задачи представилась мне следующая: господа соц.-революционеры взяли на себя тяжелый труд присвоить саратовскую демонстрацию, устроенную и приведенную в исполнение коллективными усилиями Саратовского Комитета Росс. С.-Д. Р. П., Сарат. соц.-дем. ремесленного союза и социал-демократических членов об'единенной группы с.-д. и с.-р. Они взяли на себя тяжкий труд post factum в своих органах и листках переделать первомайскую демонстрацию саратовских рабочих в демонстрацию соц.-революционеров в память Балмашева.

Ведь нельзя же, в самом деле, считать участием в организации демонстрации тот факт, что в самый разгар ее одному из членов соц.-дем. Комитета кем-то была передана пачка сфабрикованных соц.-революционерами прокламаций для разбрасывания вместе с изданными «Искрой» и организаторами демонстрации. Нельзя же считать участием соц.-революц. в организации демонстрации тот факт, что про черное знамя в память только что казненного Балмашева они узнали лишь после демонстрации.

Подведем итог. Заявление «Рев. Росс.», поскольку оно касается саратовской демонстрации, употребляя «товарищеский» прием полемики этого органа, «не совсем верно». В пылу желания пристегнуть свое имя к пролетарскому движению «Рев. Росс.» немножко сошла с пути истины.

Было бы очень желательно, чтобы товарищи Одессы, Киева и «некоторых других городов» (названия которых пока, по скромности конечно, умалчиваются гг. соц.-революционерами) порылись в своей памяти; пожалуй, они, подобно мне, припомнят аналогичные саратовскому случаи участия гг. соц.-революционеров в организации «коллективных» действий. А как-никак, случаи подобного участия достойны быть занесенными на скрижалях революционной летописи.

Бывший член Сарат. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Кавказским Союзом выпущен листок «Кто виноват?» (о кишиневском погроме). Донским Комитетом переиздана статья № 39 «Искры» «Последняя карта царизма». Саратовским Комитетом — речь Денисова (2.000 экз.). Северным Союзом — № 4 бюллетеня (описание майских дней); сверх того в собственной типографии изданы: «Самодержавие колеблется» (статья из № 35 «Искры») и «Письмо матроса к товарищам» (для солдат). Тверским Комитетом в конце мая издан листок к рабочим Куровского стеклянного завода. Киевский Комитет издал отчет о своей деятельности, с которым мы познакомим читателей в следующем №.

Предостережение. Петербургские товарищи предостерегают против следующих шпионов-провокаторов: 1) Василий Павлов, работал на Семянниковском заводе, теперь без работы. Живет на Выборгской стороне в доме Аханова, кв. 17. Приметы: на вид 35—40; волосы длинные, как бывает у крестьян; большая русая борода; лицо смуглое. 2) Иван Грачев, работал на Барановском заводе, теперь — неизвестно где (уезжал в Москву). Токарь. Говорит ласково; средних лет; лицо свежее; черные, как смоль, волосы; черные большие усы; среднего роста. 3) Филиппов, сапожник. Адрес: Петергофское шоссе, дом № 17 Б, во дворе. 4) Василий Янкельсон. Токарь, работал на Балтийском заводе. Эстонец. Провалил дело «Союза Борьбы» в апреле 1903 г. 5) Кузьма Иванов, работал на Семянниковском заводе; ученик технич. школы. Подавал прошение в охранное отделение о зачислении его в сыщики.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Москва. Здесь арестовано до 30 человек. Дело сидящих около 1½ лет 10 смоленцев, обвиняемых в составлении террористического кружка, снова возвращено из министерства юстиции в жандармское управление. Обвиняемых 10 человек: статистик Дроздов, бывш. технолог Синявский, рабочие: Савинков, Журавель, Трифонов, Царьков, Гдавин, конторщик Виноградов, землемер Каган, статистик Войков (был в ссылке в Уфимской губ.).—Одесса. Арестованные в феврале 1903 г. Давид Левин и Викт. Рабинович сосланы на 4 года в Вост. Сибирь. — Самара. Сослан в Вост. Сибирь до приговора Конрад Газенбуш. — Никополь (Екат. губ.) 31 мая был обыск у Голубова.—Освобождены в начале июня из Д. П. З. в Спб. и высланы в Тверь под особый надзор: Ц. Зелигсон, Николева, курсистка, и Прас. Кудели. Освобождены: Фонарева, медичка, Полубояринова.

Владимирская губ. В апреле в с. Мызино Судогодского уезда наезжали жандармы, производили у крестьян повальные обыски и отбирали нелегальную литературу; арестовали двух крестьян, но через несколько дней выпустили. Один рабочий арестован на Уршельском стеклянном заводе. Сидевшие во Владимирской тюрьме с декабря 1901 г. по делу Орехово-Богородской рабочей организации рабочие Воронов и Сельдяков сосланы на 4 года, первый — в Вологодскую, а второй — в Архангельскую губ. Арестованные весной 1902 года крестьяне Вязниковского уезда Соколов (сельский староста) и Гусев, обвинявшиеся по 252 ст., выпущены под особый надзор до приговора. Доливо-Добровольский (ярославское дело), скрывшийся из Оренбурга, где был в ссылке, и арестованный в январе 1903 года в Петербурге, вновь выслан в Оренбург. В этом году в Вологодской губернии кончили срок ссылки следующие лица: по делу Киевского Комитета 1898 года: Вера Тучапская, Дрелинг (заграничный студент), Шуляковский (студ.), Шен и Рабчевский (присяжные поверенные), Белоусовы (муж и жена), Жиглинский. По делу Спб. «Союза Борьбы» 1898 года статистик Саммер. По делу Литовской Социал-Дем. (1899 г.): рабочие из Вильно Александр Адамович, Антон Воткевич и Игнатий Моциевский. По делу Московского Комитета 1898 г. — Ванновский (техник). По делу пропаганды на заводе Берт в С.-Петербурге (1898 г.): медик Я. Принцев и чертежник Зиновьев. По делу «Раб. Знамени» 1898 г. Татаринов. Рабочий Максимов (стачка у Максвеля 1898 г.). Рабочий Логач (Варшавское дело). Братья Стечкины (Одесск. соц.-дем. дело 99 г.). Архитектор Курицын и медичка Довелло (дело соц.-рев. в Петербурге 1898 г.). Фельдшерица Е. Маркова (Спб.). Косьминский, рабочий из Пинска (польское национальное дело). Немиро, студ. (дело в Спб.). Третьяков (Костромское соц.-дем. дело 1901 г.). Ремизов, литератор (Пензенское соц.-дем. дело 1898 г.). Аусем, юрьевск. студ. (по делу 1899 г.). Щеголев, петерб. студ. (дело «группы двадцати» 1899 г.). Русанов (Орловское соц.-дем. дело 1901 г.). Кильбасинский и Миклашевский — инженеры (дело Польск. Соц. Партии). Ольга Залесская, портниха (ростовское соц.-дем. дело).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Серому. Ключ неизвестен.

Матвею. Оба письма получили, но прочесть не могли: плохо проявилось.

Емельяну. Пришлите скорее адрес для писем.

Польша-Кауром у. Письмо получено. Ужасно рады были. Не совсем разобрали конец.

Получено: из «Ь» (мягк. зн.) за литер 147, 25 фр., по подп. лист. 108,15 фр., на попул. лит. 4,40 фр., от конс. 4,30 фр. Из Берна за май и июнь 5,38 фр., из них с лекций Плеханова и Ленина 280 фр., за литер. 162 фр., от Б. К. Ф. 88 фр., от читателя «Искры» 8 фр. Из Лозанны за июнь 170,40 фр., из них с лекций Плеханова 137,80 фр. и за литературу 32,60 фр., через «фершала»: на Партию 12 руб. и на «Искру» 3 руб. От Тигрова на печатание записок Дейча 25 фр. Из Л.: от московского земского врача 10 руб., от К. 30 мар. От Ш. 200 фр. Из Базеля 3 фр. Из Ма. по подписн. листу 87 фр. От Томск. Ком. 20 руб., из Томска от консула 5 руб. и раньше оттуда же 15 руб. за «И.» и 10 руб. от частного кружка. Русская Рижская соц.-дем. группа получила 25 руб. от квадр. корня из минус единицы. От Архаровца 25 руб., от пессимиста на «Искру» 15 руб. и на ссыльных в Сибири 10 руб., от ab, bc, cd 50 руб., от А. А. 100 руб.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Помпадур — название, под которым Щедрин в очерках «Помпадуры и помпадурши» рисовал губернаторов, пользовавшихся фактически неограниченной властью в своей губернии. Автор статьи имеет в виду следующее место: «Россию губит излишняя централизация, — говорит один из героев очерков Феденька Кротиков, — необходимо децентрализовать, т. е. эмансипировать, помпадуров, усилить их власть».

Прим. 2. Питерскую забастовку 1896 г. начали рабочие Калинкинской мануфактуры. Поводом послужила невыплата рабочим зарплаты за коронационные дни. Забастовка перебросилась на другие фабрики в разных районах Питера и число бастовавших достигло тридцати тысяч. Основные требования рабочих: 1) 12-час. рабочий день, 2) повышение расценок (при сокращении рабочего дня), 3) укороченный рабочий день в субботу, 4) уплата за коронационные дни и т. д. Забастовка протекала при поддержке «Союза Борьбы», который организовал митинги, выпустил листовки и, чтобы привлечь к стачке общественное мнение России и Западной Европы, выпустил воззвание, об'яснявшее политическое значение забастовки и призывавшее к материальной поддержке стачечников.

Рабочие добились уплаты за коронационные дни и сохранения расценок. Вопрос об уменьшении рабочего дня был поставлен в законодательном порядке и в 1897 г. раб. день был сокращен до $11^1/_2$ час. в сутки.

Прим. 3. В 1898 г. день 1 мая праздновался в Харькове впервые. Было устроено несколько собраний за городом. На каждом присутствовало по несколько десятков человек. О праздновании 1 мая в 1898 г. в Риге и Либаве сведений нет. В 1899 г. либавские рабочие праздновали 1 мая и по русскому и по западно-европейскому стилю. Первомайская забастовка была связана с требованиями повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Первомайская забастовка (по ст.ст.) в Либаве скоро перешла во всеобщую стачку и 5 мая была организована грандиозная демонстрация 20 тысяч рабочих, которая произвела большое впечатление как на рабочих, так и на правительство. В Харькове 1 мая 1899 г. усиленно распространялась майская листовка. За городом были устроены маевки, на которых присутствовало 150 человек. О праздновании 1 мая в Риге и Либаве в 1900 г. сведений нет. В 1900 г. наиболее значительным было празднование 1 мая в Харькове. Прокламации с политическими требованиями и призывом к забастовке были распространены задолго до праздника. В день 1 мая были устроены забастовка и демонстрация, в которой участвовало около 10 тысяч человек. Полиция арестовала около 200 демонстрантов. Рабочие на следующий день отказались стать на работу и этим вынудили губернатора освободить арестованных.

Прим. 4. «Обуховской обороной» названа стачка рабочих Обуховского завода 7/V — 1901 г., закончившаяся столкновением рабочих с полицией, пустившей в ход оружие. Поводом к стачке было увольнение рабочих, не вышедших на работу 1 мая. В ответ рабочие пред'явили требования: 1) возвращения уволенных, 2) 8 час. рабочего дня, 3) отмены ночных работ и штрафов, 4) повышения расценок и т. д.

Стачечников поддерживали рабочие Александровского чугунного завода и работницы карточной фабрики.

Часть требований рабочих была немедленно удовлетворена (отмена ночных работ, возвращение уволенных, повышение расценок). Требование о признании 1 мая праздником было передано на усмотрение властей. Арестованные позже участники были судимы с исключительной строгостью (из 37 чел. оправдано 8, остальные приговорены к каторге, арестантским ротам, тюремному заключению).

Прим. 5. Речь идет о забастовке в железнодорожных мастерских в Ростове на Дону с 4 по 23 ноября. См. корреспонденции: «Борьба ростовских рабочих» в № 29 «Искры»; «Ростов н/Дону» и «Тихорецк» в № 30, и «Ростов н/Дону» в № 31 «Искры».

Прим. 6. Демонстрация 1903 г. в Ростове н/Дону была организована Донским Комитетом Р.С-Д.Р.П. — см. о ней корреспонденцию в № 36 «Искры» — «Новая демонстрация в Ростове н/Дону».

Прим. 7. «Эрфуртская программа» — книга Каутского, являющаяся комментарием к программе германской социал-демократии, принятой в Эрфурте 14 — 20 октября 1891 г.

Прим. 8. «Рабочая Мысль» — орган наиболее последовательного и крайнего направления в экономизме, выходил под руководством К. Тахтарева (Тара) и Лохова (Ольгина) (1897 — 1902), «Р. М.» проповедывала, что борьба рабочих должна вестись только за экономическое улучшение положения рабочего класса, каковое и является единственной целью рабочего движения. «Р. М.» враждебно относилась к задаче создания боевой централизованной партии и к партийной «интеллигенции».

Крайний экономизм «Рабочей Мысли» нашел свое смягченное выражение на страницах журнала «Рабочее Дело» (1899 — 1902). Промежуточная позиция последнего заключалась в том, что, не решаясь открыто отрицать необходимость для рабочих политической борьбы, «Р. Д.» выдвинуло так наз. теорию стадий. Сущность этой теории сводилась к тому, что на пути к политической борьбе рабочее движение должно пройти целый ряд последовательных стадий, из которых низшей является стадия чисто экономической борьбы.

Прим. 9. О «Революционной России» — см. прим. 15-е к № 41 «Искры».

Прим. 10. Уваров, С. С. граф (1786 — 1855) — видный деятель эпохи Николая I, президент академии наук (с 1818 г.), впоследствии министр народного просвещения в 1833 — 1849 гг Все образование предлагал вести в духе «православия, самодержавия и народности».

Прим. 11. «Вперед» — «Vorwörts» — центральный орган германской социал-демократической партии, начал выходить вместо прекратившегося «Социал-Демократа» в 1890 г. Со времени мировой войны занял социал-шовинистическую позицию. В настоящее время ведет ожесточенную борьбу с коммунизмом.

Прим. 12. Бисмарк Отто (1815 — 1898) — «железный канцлер» Германской империи, фактический глава Германской империи до 1890 г., когда при Вильгельме II ушел в отставку. В лице Б. прусское юнкерство выступило в роли об'единителя Германии. Стремясь наиболее безболезненно перевести Германию в русло буржуазной монархии, Б. еще в начале 70-х годов вводит всеобщее избирательное право. В то же время при помощи исключительных законов против социалистов (1878 г.) пытается приостановить рост и влияние германской социал-демократии.

Приложение к № 43 «Искры».

«ОРТОДОКСАЛЬНОЕ» БУКВОЕДСТВО *.

Прочитав нам нотации на тему о том, что в социал-демократической программе «нет места» борьбе с остатками докапиталистических общественных отношений, Рязанов принимается доказывать нам, что учреждения,— он говорит: «явления», — принятые нами за пережитки старого общественного строя, на самом деле должны быть рассматриваемы как «начатки» нового и именно капиталистического порядка. Доказательства, приводимые им в этом случае, до такой степени характерны для его будто бы критики, что я не могу устоять перед искушением привести по крайней мере некоторые, наиболее замечательные из них.

«А между тем еще большой вопрос, — говорит он, — насколько все те явления, на которые указывает программа „Искры“, связывая их с „остатками“, об'ясняются действительно этими остатками; а не „начатками“ капитализма. Пришлось ли бы нам теперь заниматься „радикальным пересмотром условий освобождения крестьян,“ если бы это „освобождение“ не было подготовлено не „народным производством, а капитализмом на барщинной основе“, если бы оно не было совершено землевладельцами, уже искусившимися в деле выколачивания „прибавочной стоимости“ в союзе с государством, не менее их заинтересованном в развитии капитализма?» (стр. 215).

Эти строки написаны, как видит читатель, в высшей степени неуклюже, и потому правильное их понимание — не очень легкое дело. Но поскольку оно возможно, их приходится истолковать в том смысле, что если бы уничтожение крепостного права было подготовлено так называемым (в народнической литературе) народным производством, а не капитализмом на барщинной основе, то мы не были бы вынуждены теперь требовать радикального пересмотра условий освобождения крестьян. Но, спрашивается, могло ли «народное производство» создать такие условия, при которых уничтожение крепостного права сделалось бы настоятельной экономической необходимостью? На этот вопрос всякий, хоть немного толковый человек без малейшего колебания ответит отрицательно: нет, это «производство» само сделалось с течением времени прочнейшей основой нашего крепостничества во всех его видах и разновидностях. На этот счет никакие сомнения невозможны. А раз мы убедились в этом, то у нас возникает новый вопрос: зачем же понадобилась Рязанову его нелепая гипотеза «подготовления» крестьянской реформы 1861 г. народным производством? Очевидно, она понадобилась ему лишь для более яркого оттенения той мысли, что если крестьяне были освобождены на очень невыгодных для них условиях, то это об'ясняется не чем иным, как именно развитием капитализма, правда еще продолжавшего сохранять свою барщинную основу. А эта мысль, повидимому, должна сделать неизбежным для нас тот вывод, что положение, в которое был поставлен русский крестьянин законодательным актом 1861 года, само было «подготовлено» развитием капитализма.

В этом выводе справедливо только то, что экономическое развитие, совершившееся в направлении к капитализму, сделало в высшей степени нужными для помещиков такие условия освобождения, при которых крестьянин обратился бы в полупролетария, вынужденного продавать свою рабочую силу. Поскольку крестьянин сделался таким продавцом рабочей силы, постольку он попал в то положение, в котором находится весь вообще рабочий класс в капиталистическом обществе и которое будет устранено только социалистической революцией. Это положение, конечно, не пережиток старины, и не против него направлены те параграфы нашей программы, которые имеют в виду борьбу с остатками старого, докапиталистического порядка. Но дело в том, что это положение, общее малоземельному крестьянину с пролетарием, осложняется существованием целого ряда таких учреждений, благодаря которым наш продавец рабочей силы оказывается связанным по рукам и ногам и вынуждается продавать свой единственный товар на условиях, еще менее выгодных, чем те, на которых он продал бы его, находясь в правовом положении пролетария современного буржуазного общества. Вот эти-то учреждения представляют собой пережитки нашего старого крепостнического порядка; вот против них-то и приглашает наших революционеров бороться та часть нашего проекта программы, которая подала повод к сбивчивым рассуждениями Рязанова о «начатках» и «остатках». Если Рязанов думал, что «эти учреждения — напр., прикрепление крестьян к земле и тому подобное — начатки капитализма», то он должен был привести в пользу своего мнения что-нибудь посерьезнее той комичной гипотезы, по смыслу которой нам не нужно бы было требовать радикального пересмотра условий освобождения крестьян, если бы оно было подготовлено народным производством. Но он не привел ничего по той простой причине, что привести ему было решительно нечего, а поговорить было нужно по соображениям, не имеющим ничего общего с задачами социал-демократической программы.

«Разве период от эпохи великих реформ до настоящего времени, — продолжает Рязанов, — период непре-

* «Искра» №№ 41 и 42.

рывного развития капитализма, не создал целого ряда начатков, не допускающих всестороннего развития классовой борьбы пролетариата?» (стр. 215).

Положим, что — создал. Следует ли из этого, что остатки, указываемые в нашем проекте, не существуют, или что указанию на борьбу с ними «нет места» в программе революционной социал-демократии? Кажется, что этого ниоткуда не следует.

Но Рязанов еще не кончил. «Разве он (т. е. только что указанный период) не создал целого ряда начатков, не только содействующих сохранению и усилению самых варварских форм эксплоатации многомиллионного крестьянства, но и создающих новые, менее варварские, но несравненно более утонченные? Разве он не создал целого ряда начатков, которые держат в темноте и бесправии весь народ не в меньшей степени, чем остатки докапиталистических порядков? Неужели протекционизм, податная система, милитаризм и т. д. и т. д. являются последствием крепостного права?» (стр. 216).

Что сказать на это? Если указанный Рязановым период действительно создал новые, менее варварские, но зато более утонченные формы эксплоатации крестьянства, то здесь возможно одно из двух: или эти новые формы основываются на старых правовых учреждениях, завещанных нам нашим крепостническим прошлым, или они опираются на такие положения нашего гражданского права, которые по содержанию своему вполне соответствуют производственным отношениям новейшего капиталистического общества. В первом случае всякая серьезная борьба с ними есть борьба против «остатков» и намечается относящимися сюда пунктами нашей программы. Во втором — борьба с новыми формами эксплоатации является лишь одним из видов социал-демократической борьбы с капитализмом. Задачи этой последней борьбы тоже очень ясно указаны в нашей программе, и вот почему новые, менее варварские, но более утонченные формы эксплоатации крестьянина не могут ни застать нас врасплох, ни дать хотя бы тень довода против той или другой части нашей программы.

Что касается русской податной системы, то она и до сих пор отчасти основывается на бесправии крестьян, как особого податного сословия, и в этих пределах она, несомненно, опирается на «остатки». А что касается протекционизма, милитаризма «и т.-д., и т.-д.» (мало ли чего тут можно насчитать), то подобные явления в своем существе свойственны не только нам, но и Западной Европе, и в этом смысле они, конечно, не могут быть причислены ни к каким «остаткам». Но я опять спрашиваю: что же из этого следует? Из этого следует только то, что ответа на вопрос о том, как бороться с ними, следует искать не в той части нашей программы, которая посвящена «остаткам». Вот только и всего. Читатель без труда согласится, что это совершенно недостаточно для того, чтобы доказать мысль Рязанова, т. е. что «остаткам нет места в соц.-демократической программе».

«И социал-демократы лучше всего поступят, — продолжает Рязанов, — если, предоставив буржуазной демократии воевать против остатков докапиталистических порядков, будут, со своей стороны, указывать лишь, что гибель их неизбежна там, где капитализм уже стал господствующим способом производства, и что при товарном хозяйстве они из источника благосостояния превращаются в источник проклятий» (стр. 216).

В буквоедстве есть своя логика, как и во всем прочем. Запомнив только термины ортодоксального марксизма и не будучи в состоянии понять его содержание, Рязанов, естественно, приходит к таким практическим выводам, которые представляют собою самую злую пародию на марксизм. Мы предоставим буржуазной демократии воевать против остатков нашего старого порядка, а сами ограничимся лишь указаниями на то, что гибель этих остатков «неизбежна там, где» и проч.! Нет, господин Рязанов, если бы мы поступили так, то мы тем самым с неопровержимой ясностью показали бы раз навсегда, что правы были народники и субъективисты, обвинявшие марксистов в квиетизме; если бы мы поступили так, то в этом случае мы целиком предоставили бы буржуазной демократии роль революционного фактора в современной русской общественной жизни, отведя для самих себя лишь жалкую роль кабинетных педантов.

А что этот случай далеко не маловажен, это видно из того, что наше крестьянство, — к которому юридически принадлежит также и большинство промышленных рабочих, — в своей борьбе за лучшие условия существования до сих пор на каждом шагу наталкивается на те препятствия, которые создаются существованием «остатков» и которые дают умелому агитатору множество незаменимых поводов для политической агитации. Упускать эти поводы на том основании, что иному мыслителю «остатки» могут, пожалуй, оказаться «начатками», значило бы уподобиться знаменитому метафизику, который, сидя в яме, медлил воспользоваться спущенной ему веревкой в виду того, что она есть лишь «вервие простое», и непременно хотел знать, нельзя ли, вместо нее, придумать «что-нибудь другое». Если наша партия претендует на честь быть самой энергичной и самой решительной носительницей революционной идеи, то она обязана решительнее и энергичнее всех других партий бороться с остатками докапиталистических отношений. Иначе ее претензия станет неосновательной и потому смешной.

«Докапиталистический общественный порядок не всегда основывался на закрепощении, — замечает Рязанов. — Никогда не нужно забывать, что, как говорит Маркс, очень удобно быть „либеральным“ насчет „средних веков“. И в такой стране, как Россия, где „капитализм уже стал господствующим способом производства“, нам нужно уже разрушать всякие легенды о докапиталистических порядках» (стр. 217).

Что не всякий докапиталистический порядок основывается на крепостничестве, это совершенно справедливо. Но в нашем проекте речь идет о совершенно определенном и всем известном докапиталистическом порядке, в основе которого действительно лежало закрепощение трудящейся массы высшим сословием, государству или его главе. Как прикажете назвать этот порядок, если не порядком, основанным на закрепощении? Что же касается до удобства быть либеральным на его счет, то я не вижу, в чем именно оно заключается. Русский читатель, под влиянием народнической пропаганды, в течение очень долгого времени склонен был, наоборот, к идеализации нашего докапиталистического порядка, — по крайней

мере с его экономической стороны, — вследствие чего у нас гораздо легче было «либеральничать» в его пользу, чем против него. И хотя капитализм в самом деле стал у нас теперь господствующим способом производства, но, во-первых, это признается еще не всеми, а, во-вторых, капиталистический способ производства еще далеко не имеет у нас соответствующей ему правовой надстройки. Между экономией и правом у нас существует теперь глубокое противоречие, устранение которого должно быть первой великой победой нашего социалистического движения. А так как наша правовая надстройка, — в той мере, в какой она противоречит требованиям современного общества, — унаследована нами от нашего докапиталистического порядка, то мыслящий русский человек не может быть слишком «либеральным» насчет этого порядка. Смешно и сравнивать наше отношение к этому порядку с тем отношением, в каком находится к «средним векам» гражданин современной Западной Европы. Рязанов и здесь попал впросак. Он захотел говорить, как Маркс, в виду таких общественных отношений, в присутствии которых Маркс наверное выразился бы иначе.

Очень не нравится Рязанову и то, что царизм изображается нами как самый крупный и самый вредный пережиток нашего докапиталистического порядка. Наш критик об'являет этот взгляд плодом просветительской историографии, свойственной буржуазной демократии. «Исторически наше самодержавие действительно коренится в прошлом, — говорит он, — но эту судьбу оно делит со многими другими явлениями общественной жизни. Не в пример другим „остаткам“, оно не пережиток, случайно сохранившийся обломок прошлого. Увы! Оно очень прочно сидит в настоящем. И если бы авторы нашего проекта не делили всю историю на два периода: один докапиталистический, а другой капиталистический, они увидели бы, как сильно менялся характер нашего самодержавия, ну хотя бы от Иоанна III» (стр. 220).

Ни в нашем проекте, ни в комментариях к нему нет ни одной строчки, дающей повод думать, что мы приписываем русскому самодержавию неизменный характер. Мы прекрасно знаем, что этот характер изменялся вместе с ходом развития наших общественных отношений. Но неоспоримый факт такого изменения нимало не мешает нашему самодержавию быть «остатком», «пережитком» прошлого. Разве фигурировать на исторической сцене в качестве «пережитков» и «остатков» могут только такие учреждения, которые отличаются неизменным характером? Это было бы ново! И почему Рязанов думает, что мы считаем самодержавие случайно сохранившимся обломком прошлого? Ведь на эту мысль опять-таки нет и тени намека ни в нашем проекте, ни в наших комментариях к нему. Но таков неизменный характер главного «критического» приема Рязанова: он заключается в приписывании противнику нелепостей, никогда не приходивших ему в голову, и в победоносном опровержении этих вымышленных нелепостей. Нечего и говорить, что такой прием чрезвычайно облегчает Рязанову дело его «критики».

Далее мы узнаем от Рязанова ту интересную новость, что наше самодержавие всегда было орудием в руках того или иного общественного класса. «Особенно сильные изменения потерпело оно в период от конца XVIII века до эпохи великих реформ, когда „народное производство“... окончательно уступило место капитализму на барщинной основе. И мы будем несравненно ближе к истине, если скажем, что наше самодержавие в его современной форме есть продукт начатков капитализма. Исторические предания того времени, когда оно было орудием в руках одних дворян, уже давным-давно, хотя и „с упорством“, отступают на задний план перед сильными и крепкими ростками капитализма. Оно пытается еще сохранить равновесие между землевладением и буржуазией, но растущие в силу развития капитализма противоречия внутри обеих его опор должны будут привести его к гибели, несмотря на все попытки приспособиться к изменившейся классовой структуре» (стр. 220).

Итак, самодержавие погибнет, потому что оно не в состоянии приспособиться к изменившейся «классовой структуре». Почему же для него недоступно такое приспособление? Не потому ли, что самодержавие представляет собою такое политическое учреждение, которое не соответствует капиталистическому обществу, достигшему значительной степени развития? А если это так, то не значит ли это, что самодержавие есть политическое учреждение, являющееся пережитком старого общественного порядка? Очень на то похоже! Рязанов и сам чувствует это, но не сдается. Он об'являет самодержавие продуктом начатков капитализма на том основании, что оно давно уже перестало быть орудием в руках одних только дворян и стало служить также и буржуазии для достижения ее целей. Но этот довод был бы убедителен только в том единственном случае, если бы Рязанов доказал нам, что буржуазия никогда не захотела бы или не смогла бы обратить в свое орудие тот или другой пережиток старого порядка. А так как он этого не доказал и никогда не докажет, то вся его аргументация опять рассыпается, как карточный домик. На самом деле всякий новый, восходящий общественный класс всегда старался, и не без успеха, воспользоваться для своих собственных целей учреждениями, выросшими на почве старого общественного порядка, и вступал в борьбу с этими учреждениями только тогда, когда при их помощи достигал уже известной степени развития. Так, напр., было время, когда буржуазия старалась обратить феодальные учреждения в орудие для достижения своих целей. Но заключать отсюда, что эти учреждения были продуктом «начатков» буржуазного развития, может только человек, не умеющий «приспособиться» к самым элементарным требованиям логики.

Очень не нравится Рязанову также и та наша мысль, что самодержавие по самой природе своей враждебно всякому общественному движению.

«Откуда эта демократическая мудрость попала в соц.-дем. программу?—грозно выкрикивает Рязанов.—Неужели составители проекта не знали, что самодержавие по самой своей природе враждебно не всякому общественному движению, а только определенным, не общественным движениям всяких классов, а только определенных?» (стр. 222).

Мы уже слышали от Рязанова, что наше самодержавие всегда было орудием в руках того или другого общественного класса. Если это так, то ясно, что и

в царствование Николая Павловича был такой общественный класс, который умел сделать свое орудие из неограниченной царской власти. Мы не будем вступать в препирательства с Рязановым по вопросу о том, какому именно классу служило тогда самодержавие: для нас довольно того, что оно непременно должно было служить одному или нескольким из них, если только верна наша первая посылка. Исходя из этого убеждения, мы просим Рязанова указать нам, какому определенному движению какого определенного класса не было враждебно правительство царя-фельдфебеля? Откровенно признаемся, что мы такого движения «не знаем».

Чем больше я, по долгу службы, вчитываюсь в книгу Рязанова, тем чаще мне вспоминается восклицание, вырвавшееся однажды у Энгельса по адресу некоторых критиков исторического материализма: «Диалектики недостает этим господам!» Рязанову, как я уже говорил, недостает именно диалектики. Он — прирожденный метафизик. А когда метафизик пускается теоретизировать, ничего хорошего ожидать невозможно. У метафизика — как у нигилиста в изображении гр. Толстого — и движенья угловатые и ученье дубоватое. А Рязанов выдает нам свое дубоватое учение за самую ортодоксальную ортодоксию. Это ли не потеха!

Но еще более угловатым и дубоватым оказывается наш метафизик в критике нашей аграрной программы.

Товарищ Ленин в своей статье об аграрной программе русской социал-демократии заметил, что там, где дело касается движения промышленных рабочих, мы многое возьмем готовым «у немцев», а в аграрной области нам, может быть, удастся выработать нечто новое. Едва Рязанов прочитал эти слова, у него, как говорится, ушки оказались на макушке: «Гм! Новое! Стало быть, такое, чего не было в сочинениях Маркса и Энгельса. А то, чего не было в сочинениях Маркса и Энгельса, не может быть ортодоксально. Значит, Ленин еретик, и его надо третировать как такового». Но еще более разгорелась ортодоксальная ревность Рязанова, когда он услышал от Ленина, что в аграрной области «не все, справедливое „на Западе“, справедливо на Востоке». По этому поводу Рязанов разразился следующей ехидной тирадой:

«Это „новое“ состоит в открытии, что „все на свете имеет две стороны“. Если на „Западе“ аграрная программа, ставящая себе целью „умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность“, является нарушением принципов социал-демократии, то на „Востоке“ мы имеем „исключительный пример“. Мы поддерживаем и умножаем мелкую собственность в интересах устранения остатков крепостного порядка и свободного развития классовой борьбы в деревне, иными словами — в интересах развития сельскохозяйственного капитализма» (стр. 247).

С точки зрения диалектического материализма все на свете действительно имеет две стороны. Данный принцип, важный в применении в одной стране или к одному времени, имеет очень много шансов оказаться ложным в применении к другой стране или другой эпохе. Но метафизик этого не понимает и потому он от удивления широко раскрывает рот, когда слышит, что принцип, признанный верным при одних условиях места и времени, об'является неправильным при других. Он видит в этом непоследовательность, противоречие, измену. Метафизики немало крови испортили великим основателям научного социализма. С метафизиками вел войну, между прочим, «Манифест Коммунистической Партии». Читатель помнит, вероятно, то его место, где говорится о немецких любомудрах, философах и полуфилософах, с жадностью набросившихся на французскую социалистическую литературу и забывших лишь то, что французские отношения не были перенесены в Германию вместе с социалистической литературой. Эти любомудры, философы и полуфилософы были чистокровными метафизиками. Авторы «Манифеста» не могли простить им забвения того, что французская социалистическая критика, неразумным отголоском которой они явились, «имеет в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией, т. е. именно те общественные условия, о завоевании которых только еще шла речь в Германии». Столь же чистокровным метафизиком является и Рязанов, указывающий, для нашего посрамления, на западно-европейских марксистов, не желающих «умножать мелкую собственность». Рязанов забывает, что аграрные взгляды эгих марксистов, неразумным отголоском которых он является, имеют в виду современное буржуазное общество с соответствующим ему экономическим и правовым положением крестьянина, т. е. именно те условия, о завоевании которых только еще идет речь в нашей аграрной программе. Когда наш крестьянин окажется в том положении, в каком находится теперь крестьянин Западной Европы, тогда мы тоже будем решительно восставать против всяких попыток «умножать» частную собственность. А теперь, пока наш крестьянин находится в других условиях, пример западно-европейских марксистов не может быть для нас убедительным: находясь в иных общественных условиях, мы по необходимости должны рассуждать иначе. Эго не значит, конечно, что мы непременно должны умножать частную собственность. Нет, это тоже зависит от обстоятельств, но очевидно, что, раз речь зашла о частной собственности, мы должны рассматривать особенности нашего положения, а не довольствоваться ничего не доказывающей ссылкой на западно-европейских марксистов.

Каковы же те обстоятельства, по поводу которых заходит речь об умножении нами частной собственности?

Эти обстоятельства двоякого рода.

Во-первых, некоторое умножение частной собственности крестьян может явиться результатом возвращения им знаменитых отрезков, т. е. земель, находившихся в их пользовании и отрезанных у них при уничтожении крепостного права.

Во-вторых, значительное умножение частной собственности будет вызвано предоставлением крестьянину права свободно распоряжаться его землей, т. е. разложением современного общинного землевладения.

Остановимся сначала на отрезках. Какое значение имеют они в экономической жизни крестьянина? Они являются источником его закабаления. Вот что мы узнаем о них, например, от такого знатока нашей деревенской жизни, каким был А. Н. Энгельгардт:

«При наделении крестьян лишняя против положения земля была отрезана и этот отрезок, существенно необходимый крестьянам, поступив в чужое владение, стеснил

крестьян уже по одному своему положению, т. к. он обыкновенно охватывает их землю узкой полосой и прилегает ко всем трем полям, а потому, куда скотина ни выскочит, непременно попадет на принадлежащую пану землю. Сначала, пока помещики еще не понимали значения отрезков и там, где крестьяне были попрактичнее и менее надеялись на «новую волю», они успели приобрести отрезки в собственность или за деньги или за какую-нибудь отброску (?), такие теперь сравнительно благоденствуют. Теперь же значение отрезков все понимают * и каждый покупатель имений, каждый арендатор, даже не умеющий по-русски говорить немец прежде всего смотрит, есть ли отрезки, как они расположены и насколько затесняют крестьян. У нас повсеместно за отрезки крестьяне обрабатывают помещикам землю — именно работают круги, т. е. на своих лошадях, со своими орудиями, производят, как при крепостном праве, полную обработку во всех трех полях. Оцениваются эти отрезки — часто, в сущности, ничего нестоющие, не по качеству земли, не по производительности их, а лишь потому, насколько они необходимы крестьянам, насколько они их затесняют, насколько можно выжать с крестьян за эти отрезки» **.

Вот что значит для крестьян отрезки. Было ли бы выгодно крестьянам их возвращение? Ясно, что — да. А если да, то почему нам не поставить его в свою программу? Потому, — отвечают нам наши критики, — что это было бы равносильно поддержанию и умножению частной собственности. А почему вредно поддержание и умножение частной собственности? Потому, что оно задерживает экономическое развитие общества. Других оснований для признания его вредным не имеется. Значит там, где, по тем или иным причинам, оно не задерживало бы, а, напротив, ускоряло бы экономическое развитие общества, против него возражать невозможно. Но это — именно то, что мы видим в интересующем нас случае. Все исследователи единогласно признают, что так ярко изображенное А. Н. Энгельгардтом «затеснение» крестьян посредством отрезков очень сильно тормозит успехи сельского хозяйства в России. Поэтому вернуть крестьянам отрезки значит дать новый толчок экономическому развитию нашей страны. А так как экономическое развитие у нас, как и везде, поведет в конце концов к торжеству социализма, т. е. к отмене частной собственности на средства производства, то выходит, что возвращение отрезков подсказывается интересами социалистической революции и что поддержание и умножение частной собственности в этом случае ускорит переход средств производства в собственность общественную. Стало быть, мы не только можем, но обязаны стоять за возвращение крестьянам отрезков. Метафизику такой вывод покажется, конечно, логическим фокусом. Но мы и не надеемся убедить метафизиков; мы обращаемся к людям, способным усвоить диалектический метод современного социализма.

Замечу мимоходом, что когда Рязанов приписывает нам намерение выкупить все отрезки (стр. 264—265), то он грубо искажает нашу мысль. Мы допускаем выкуп только там, где бывшие помещичьи имения перешли в другие руки. Но и здесь выкуп должен совершаться — согласно нашему требованию — не на счет крестьян и не на счет государства, а на счет все тех же помещиков, облагаемых на этот предмет особым налогом. Пусть сам читатель судит, насколько такой выкуп был бы похож на «пресловутую выкупную операцию», с которой сравнивает его наш глубокомысленный, остроумный и находчивый Рязанов.

Теперь перейдем к общине. Отмена общинного землевладения, без всякого сомнения, была бы равносильна очень значительному поддержанию и умножению частной собственности. Более того: благодаря ей, многие русские крестьяне впервые приобрели бы землю в частную собственность. Могут ли социалисты согласиться на это, не изменяя своей программе? Мы думаем, что могут, и, думая так, мы снова видим себя в очень недурной компании. В марте 1850 г. центральный комитет Союза Коммунистов в «обращении» (Ansprache) к членам этого Союза,—написанном, очевидно рукою Маркса,— категорически говорил, что партия пролетариата меньше всего (am allerwenigsten) должна мириться с увековечением общинной собственности (Gemeindeeigentum), которая представляет собой отсталую форму даже сравнительно с современной частной собственностью и которая повсюду необходимо разлагается в эту последнюю. Умножение частной собственности, являющееся результатом разложения собственности общинной, как видим, совсем не представлялось Марксу явлением, способным замедлить движение современного общества к социализму. Да оно и не могло представляться ему таковым. Могучий диалектик, он лучше, чем кто-нибудь, сознавал справедливость того положения, что все на свете имеет две стороны и что поддержание и умножение частной собственности, вредное и реакционное в буржуазном обществе, более или менее быстро идущем навстречу социалистической революции, может быть необходимой и полезной мерой там, где речь идет об освобождении буржуазного общества от пут «старого режима» и об уничтожении старых, отсталых и отживших форм собственности.

Но только что цитированное мною «Обращение» требует также конфискации «земель феодальных собственников», обращение этих земель в государственную собственность и устройства на них рабочих колоний. Здесь тогдашняя программа Маркса и его единомышленников, повидимому, расходится с нашим проектом, а Рязанов как будто оказывается настоящим ортодоксом, потому что его проект аграрной программы в этом отношении сходится с программой Маркса. Но и это только одна видимость, потому что и здесь Рязанов старается говорить, как Маркс, в виду таких общественных отношений, при наличности которых Маркс заговорил бы совершенно иначе.

Если марксизм в самом деле может быть назван алгеброй революции, то программа, верная духу марксизма, должна быть от начала до конца революционной программой. А в революционной программе каждое отдельное требование оценивается с той точки

* Энгельгардт тут не совсем прав: значение отрезков непонятно многим из наших критиков, напр. для г. Рязанова.

** А. Н. Энгельгардт, „Из деревни", стр. 415.

зрения, насколько оно способствует успеху революционного движения. Если обнаруживается, что данное требование, будучи осуществлено, увеличило бы силы контр-революционеров, то оно должно быть отброшено, несмотря на то, что само по себе оно, может быть, и сулило бы некоторые выгоды революционному классу. Взглянем же с этой точки зрения на требование обращения земель в собственность государства.

У нас в России государство издавна привыкло рассматривать земли, не принадлежащие так называемым частным владельцам, как свою собственность. Общинное землевладение крестьян означало на самом деле, что и земля и привязанный к ней крестьянин принадлежали казне и третировались ею применительно к «казенному интересу». Вот почему наше общинное землевладение было самой прочной экономической основой царизма. Чтобы повалить царизм, надо разрушить его экономическую основу, а для этого необходимо поставить крестьянина в условия современного частного землевладения и устранить фактически установившуюся у нас азиатскую форму государственного землевладения. Поэтому всякие проекты национализации земли или обращения помещичьих земель в государственную собственность являются у нас реакционными по существу, вопреки своей революционной внешности. И потому Маркс, наверное, осудил бы эти проекты, как противоречащие основному требованию предстоящей нам революции. Если в Германии он рассуждал иначе, то ведь и условия были там совсем другие.

Рязанов и так называемые социалисты-резолюционеры, — у которых он заимствовал свой аграрный проект, — говорят, правда, что после революции отнятые у крупных собственников земли станут принадлежать не современному нашему полицейскому государству, а свободной демократической республике, которая совсем иначе будет относиться и к земле и к земледельцу. Но, говоря так, Рязанов и его «социально-революционные» учителя ставят вопрос, разбираемый нами, на голову. Этот вопрос в том и заключается, как добиться торжества демократической республики. Предположив, что этот вопрос уже решен, мы, конечно, устраняем все связанные с ним трудности, но вместе с этим мы покидаем точку зрения научного социализма и превращаемся в утопистов. На самом деле демократическая республика восторжествует и упрочится только в том случае, если революционное движение разрушит экономическую основу царизма, т. е. то государственное землевладение, к упрочнению и расширению которого стремятся социалисты-революционеры (читай: реакционеры) и наш бедный Рязанов.

Еще два слова. Рязанов говорит, что, добиваясь возвращения крестьянам отрезков, мы тем самым признаем, что остальная земля составляет вполне законное достояние помещиков. Это как две капли воды похоже на рассуждение анархистов, не устающих твердить нам, что, требуя сокращения рабочего дня, скажем, до восьми часов, мы этим признаем справедливость буржуазной эксплоатации, не выходящей за восьмичасовые пределы. На таких рассуждениях можно не останавливаться.

Рязанов напоминает мне, что в своем комментарии к нашему проекту программы я признаю, что в момент революционного движения нам, может быть, придется выставить требование полной экспроприации помещичьих земель. Я очень хорошо помню это. Но я не вижу тут ровно никакого противоречия с требованием возвращения отрезков. В этих двух требованиях нет никакой качественной разницы, а есть только разница количественная, как была бы только количественная разница в двух законопроектах, из которых один требовал бы сокращения рабочего дня до десяти, а другой, скажем, до шести часов. К какому требованию мы склоняемся в настоящую минуту, это зависит от соотношения общественных сил — и только от него. Теперь, когда революционная энергия крестьянства очень не велика, мы естественно указываем ему более скромное требование, а если придет такое время, когда наше крестьянство обнаружит очень большую революционную энергию, то мы, разумеется, не будем тащить его назад. Это совсем не наше дело. Мы укажем ему более широкую революционную цель. Но и в этом случае мы останемся верны духу своей программы и не станем поддерживать реакционную утопию, заимствованную Рязановым у социалистов-реакционеров. А в этом все дело; в этом главный отличительный признак нашей программы.

Заканчивая теперь мою беседу с Рязановым, я невольно вспоминаю одно замечание Екатерины II. «Не последняя и сия причина к несогласию, — писала однажды галантная императрица, — что некоторые порочат дела других, хотя бы они и полезны были, для того только, что не ими сделаны, хотя сами однакоже их никогда не сильны сделать». Вот так и Рязанов. Мне сдается, что наш проект не нравится ему именно потому, что не им сделан. А сам наш строгий критик «силен» произвести только неудобоваримую смесь из очень плохо понятого им марксизма и, к сожалению, слишком сильно врезавшихся в его память реакционно-утопических требований социалистов-«революционеров».

Г. Плеханов.